

ХОЛЛИ БОРН

18+

Все места,
ГДЕ Я ПЛАКАЛА

Холли Борн

Все места, где я плакала

Серия «Повезет в любви»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63460673

Все места, где я плакала: Издательство АСТ; М.; 2020

ISBN 978-5-17-122041-9

Аннотация

Амели встретила его на выступлении – обаятельный талантливый музыкант сразу покорила ее сердце. То, как он смотрел на нее, как говорил «люблю» и раз за разом доказывал свои чувства, не могло оставить равнодушной неприметную, вечно смущенную, неуверенную в себе девушку. И хотя Амели пришлось отказаться от друзей, это того стоило – только он делал ее по-настоящему счастливой.

Иногда он становился другим: отстраненным, резким, грубым. Тогда Амели оставалось только ждать. Не мешать ему. Не говорить глупости. Не быть такой навязчивой. И делать все, что он хочет, лишь бы снова почувствовать себя нужной.

Но любовь не должна причинять боль.

Теперь жизнь Амели разделилась на «до» и «после». И чтобы окончательно не сойти с ума, она должна вспомнить их историю, возвращаясь во все места, где он заставил ее плакать.

Содержание

1. Скамейка рядом с путепроводом	6
2. Столовая колледжа	31
3. Остановка автобуса № 37	69
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Холли Борн

Все места, где я плакала

Holly Bourne

THE PLACES I'VE CRIED IN PUBLIC

This edition is published by arrangement with

Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

Copyright © Holly Bourne, 2019

All rights reserved.

© А. Елецкая, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Видишь, она плачет?

Порой ее нелегко заметить. Она может опустить голову, скрывая лицо за волосами, делая вид, что разговаривает по телефону. Или прислонится к окну в автобусе, отворачиваясь, чтобы никто не увидел ее слез.

Но всегда есть зацепки – то судорожный вздох, то трясущаяся спина, то слезы, быстро смахнутые рукавом, пока никто не заметил.

Девочки плачут на скамейках в парке. И в залах ожидания на вокзале. На танцплощадках в клубах. На автобусных

остановках. На уроках, за последними партами. Они сидят на тротуаре и плачут в два ночи, сняв неудобные туфли. Плачут в школьном туалете. На мосту. На ступеньках дома, где проходит чья-то вечеринка.

И это история одной из таких девочек.

Из-за чего она постоянно плачет?

Хотя лучше спросить: из-за кого?

1. Скамейка рядом с путепроводом

Полтретьего ночи, а я вернулась туда, где все началось.

Да, конечно, тут холодно. В такую рань, да еще в феврале, и одета я не по погоде. Просто накинула пальто поверх пижамы и прибежала сюда, обутая в тапочки. Теперь сижу на скамейке, отчаянно дрожа под искусственным мехом, и даже не знаю зачем.

Ведь лежала спокойно в кровати, крутя в голове мысли: «Что за фигня случилась?», «Это я во всем виновата» и «Сейчас свернусь клубочком, и меня не станет», но в какой-то момент – если точнее, полчаса назад, – все стало очевидным.

Мне было нужно прийти сюда.

Из моего дыхания формируются маленькие облачка кристаллизованного тумана и уплывают по направлению к путям. Тут так тихо. Кажется, будто весь мир заснул. Ну, кроме меня и моего разбитого сердца.

Я уже столько раз плакала из-за тебя, но это совсем не помогает. Потому и сижу тут на холоде, пытаюсь прийти к решению.

Скамейка выглядит так себе: одной доски не хватает, краска облупилась от старости, повсюду неприличные надписи и рисунки. Но она важна, потому что именно здесь я плакала тогда в первый раз.

Не самый первый раз, но первый из-за тебя. Из-за нашей с тобой истории. Хотя это и историей можно было назвать лишь с натяжкой.

Но если вернуться к началу, то, возможно, появится какой-то смысл.

Это начало. Я сижу ровно на нем.

Закутавшись в пальто, закрываю глаза. И вспоминаю.

* * *

– Не волнуйся, – сказала мама, наблюдавшая, как я завтракаю, – там все будут новенькими.

Она улыбнулась знакомой улыбкой. Той, которая извинялась за все происходящее.

– Все будут хоть с кем-то знакомы, в отличие от меня.

– Под конец дня и ты с кем-нибудь познакомишься.

– Надеюсь.

Я встала из-за стола и вылила остатки молока из миски в раковину, направившись в спальню, которая пока совсем не ощущалась как «моя». Еще даже не все вещи были распакованы. Коробки с моей жизнью захламляли пространство в ожидании, что я наконец разберу их, смирившись с переменами. Пока распакованными были только одежда, виниловые пластинки, проигрыватель и, разумеется, моя гитара.

Времени было мало, но я все равно взяла инструмент, перекинув ремень через плечо, и села на край кровати. Ударив

по струнам, сразу же почувствовала себя спокойнее.

– Амели, пора, а то опоздаешь! – слышался голос мамы из коридора.

С большой неохотой я положила гитару на место.

– Иду.

* * *

Сидеть на переднем сиденье в нашей нагретой на солнце машине было все равно что терпеть чьи-то неудобные объятия. Ноги неприятно потели от кожаной обивки. До погоды еще не дошло, что уже сентябрь. Я включила радио, но мама тут же выключила его.

– Ты уверена, что сможешь потом сама дойти домой? Позвони мне, если потеряешься.

– Мам, ты, может, и не слышала еще, но технический прогресс дошел до того, что в телефонах теперь есть карты и прочая навигация.

– Ну, все равно можешь позвонить.

Машина ехала по незнакомым улицам, поворачивая на незнакомых перекрестках, минуя незнакомых учеников, которые шли к незнакомому колледжу. Мы застряли среди других автомобилей, водители которых искали места для парковки. Воздух из кондиционера пах выхлопными газами.

– Мне, видимо, придется тебя прямо тут посадить, – сказала мама. – Ты как, в порядке?

Я кивнула, хотя это и не было правдой. Но маминой вины в этом нет. Да и папиной тоже. Обвинять, что меня вырвали из привычного уклада жизни, было некого. Но от этого становилось только обиднее.

– Погоди-ка... – Маме удалось припарковать машину. Я уже открыла дверь, мысленно готовясь встретиться с неизвестностью, когда она положила мне руку на плечо, останавливая. – Ты точно будешь в порядке? – снова спросила мама. – Мне так жаль, Амели, ведь тебе этого не хотелось.

Я улыбнулась – ради нее – и кивнула, тоже для убеждения: – Все будет окей.

Она оставила меня на пешеходной зоне в облаке машинных выхлопов. Не особо уверенная, куда нужно идти, я двинулась следом за учениками примерно моего возраста. Шея стала жутко чесаться – вернулась моя Сыпь Стеснения. Зашибись, только этого мне и не хватало в первый день в незнакомом колледже на новом месте – прославиться как Та Самая Нервная Девочка с Сыпью. Шагая за другими учениками, я поплотнее запахла джинсовую куртку. Плевать на жару.

Зуд не проходил, потому что я воображала себе все новые и новые адские варианты развития событий.

1. Вот я нервно стою в одиночестве, взглядом умоляя остальных подойти и познакомиться со мной.

2. Вот я в полном неведении того, куда иду и что делаю, осознаю свою неуверенность в себе и то, что у меня нет даже

базовых навыков взаимодействия с людьми.

3. Наверняка со мной познакомится кто-нибудь странный, кто мне совсем не понравится. Но раз уж это будет единственный человек, который захочет со мной пообщаться, я буду вынуждена поддерживать нашу дружбу всю жизнь из чувства благодарности.

4. Буду сходиться с ума, решая, где сесть на большой перемене, и в конце концов примощусь где-нибудь в углу, совсем одна, и стану наблюдать за всеми этими дружелюбными экстравертами, тихонько завидуя.

5. Наверняка запнусь или поперхнусь, когда буду представляться классу, и все примут меня за чучело.

Идущие передо мной девушки громко болтали, и до меня доносились обрывки их разговора:

– Ты видела Лауру, когда объявили результаты? Ведет теперь себя как гот. Как думаешь, ее новый бойфренд в курсе, что она слушает Тейлор Свифт? А давай скажем ему?

Они хихикали, отчего все мои внутренности словно переворачивались. Я и забыла, какими жестокими могут быть тинейджеры.

Дома, в Шеффилде, у меня был свой тесный круг друзей, которых я любила и которым доверяла. Мне потребовалось шестнадцать лет, чтобы собрать эту компанию. Даже не верилось, что придется начинать все заново.

Девушки свернули налево, и я тоже. Передо мной тут же

выросло главное здание колледжа, покрашенного и отремонтированного к новому учебному году. Повсюду были толпы учеников, медленно исчезающие во входных дверях. Казалось, что все друг друга знают: они обнимались, расспрашивали о летних каникулах, смеялись и старались выпендриться в первый день учебы. Город маленький, так что все надеялись на летний «ребрендинг», который поможет им набрать популярности. Я же была новенькой. Не было ни одного знакомого мне лица. Кому-то это показалось бы прекрасным – возможность начать заново! Но не мне. Я ничего не хотела начинать заново, я хотела вернуться обратно в Шеффилд к Джесси и Алфи.

Алфи...

Я чуть не разрыдалась прямо там, посреди двора среди бела дня, еще даже не начав учиться. Уже чувствовала, как слезы подступают к глазам. Но Алфи так хорошо понимал меня, знал и любил, что протянул руку помощи.

Мой телефон завибрировал.

Алфи: Думаю о тебе. Просто будь собой сегодня – включая красные пятна от смущения. Ты ТОЧНО заведешь новых друзей. Помни, это всего на два года ХХ

Я расплылась в улыбке, хотя мне все еще было грустно.

Амели: КАК ТЫ ДОГАДАЛСЯ ПРО ПЯТНА? Х

Громко задребезжал звонок, и я посмотрела на часы – без пяти девять. У меня оставалось лишь пять минут, чтобы найти аудиторию D24 и встретить новый класс. Слегка дрожащими руками я вытащила карту колледжа из сумки и нашла нужное мне здание.

«Не так уж и плохо, – подумала я, – справляюсь».

Телефон снова завибрировал.

Алфи: Я скучаю по этим пятнам. У тебя все сегодня получится. X

Я закрыла глаза, представляя себе его лицо и не обращая внимания на жару и студентов, спешащих на занятия. Вспомнила родинку рядом с левым глазом Алфи, его непослушную шевелюру. Инстинктивно набрала ему ответ.

Амели: Я люблю тебя.

Рядом с «я» мигал курсор, от которого невозможно было отвести взгляд. Меня накрыло волной эмоций, и я удалила все написанное.

Снова зазвенел звонок. Опоздываю в первый же день.

Амели: Скучаю.

Отправила новую версию.

Пусть это не было ни ложью, ни полной правдой.

* * *

Я тряхнула головой. Здесь и сейчас, на холодной скамейке в почти три часа ночи. Тело заледенело; сложно было представить, что оно когда-нибудь сможет согреться. Тот жаркий день в сентябре казался невозможно далеким.

А что, если бы я отправила ему то первое сообщение?

Это лишь одно из тех «а что, если», которые постоянно крутились в голове. Если бы я сказала, что люблю его. Если бы не удалила сообщение. Если бы прислушалась к той части себя, которая написала «я люблю тебя», невзирая на наше глупое соглашение... Если бы отправила ему то, что думаю, – как бы это повлияло на будущее?

Теперь ответа не узнать.

Потому что я не написала этого. Лишь сказала, что скучаю. Нажала на кнопку «отправить» и смотрела, как одна галочка доставленного сообщения превращается в две прочитанного. Затем убрала телефон в сумку и побежала на свой первый урок.

* * *

Если ты скромный человек, то нет ничего хуже, чем опоз-

дать куда-нибудь. Когда я открыла дверь в класс, потя от страха и неловкости, все одновременно повернули головы в мою сторону, словно стоя сурикатов.

– Извините за опоздание, – пробормотала я преподавателю. Он был молод, рыжеволос и одет в розовую рубашку.

– Да не волнуйся, ты еще даже не самая последняя. Многие теряются в первый день. – Он указал на свободное место. Я рухнула на стул, избегая встречаться глазами с окружающими. – Как уже сказал ранее, – продолжил преподаватель, – меня зовут Алистар, и мне предстоит учить вас два года. Надо сказать, вам повезло – я очень даже классный.

Все смущенно засмеялись, и я наконец оглядела окружающих. Видно было, что все потратили вечность, выбирая сегодняшний наряд; в классе практически воняло показухой. Напротив меня сидел парень, у которого на футболке был напечатан политический слоган, а в руках он держал дневник в кожаном переплете – чтобы все сразу поняли, что он заботится о мире и ведет умные записи. У девушки рядом с ним волосы были выкрашены в ярко-розовый цвет, на шее висели огромные наушники, а под джинсовым платьем виднелись желтые легинсы. Хотя не мне их осуждать. Сама сломала голову, решая, какое именно старушечье платье надеть сегодня, раз уж для свитера будет слишком жарко. Алфи однажды сказал, что, даже если бы пришлось отправиться на войну, я бы надела один из своих необъятных свитеров. Мой стиль вообще можно описать следующим образом: если ка-

кая-нибудь старушка недавно умерла и ее похоронили в платье, то именно оно мне и понравится. У меня даже джинсов не было.

Дверь в класс внезапно распахнулась, явив нам девушку с рыжими волосами и идеально ровной челкой.

– Это D24? – бодро спросила она, словно ее совершенно не волновало внимание всех присутствующих.

– Он самый, – ответил ей Алистар. – Заходи, садись.

Она неторопливо прошла по классу и села рядом со мной.

– Привет, – прошептала она, – меня зовут Ханна.

Слова застряли у меня в горле, но я все же смогла выдавить робкое «Привет».

Алистар подождал пять минут, ожидая последнего опаздывающего; никто так и не пришел. Он еще раз поздравил нас с началом обучения в колледже и объяснил главные отличия от наших средних школ. Нам не надо носить форму. У нас не будет наказаний за плохое поведение. Нам даже не обязательно ходить на все занятия, хотя, если мы прогуляем больше двадцати процентов, нас просто исключат. Сегодня все уроки будут ознакомительными, реальное обучение начнется только на следующий день.

– Вас распределили по группам в зависимости от предметов, которые вы выбрали. И ваша группа в основном занимается исполнительскими искусствами. Я – главный педагог по актерскому мастерству, поэтому буду вашим ведущим преподавателем. – Внезапно он запрыгнул на стол, танцуя кан-

кан и активно размахивая руками, заставляя нас смеяться и в недоумении переглядываться друг с другом. – Кстати, я хочу, чтобы вы все записались на шоу талантов в этом семестре, – пропел Алистар. Затем он крутанулся на месте и спрыгнул на пол. – Так, ладно, теперь давайте познакомимся.

Следующий час был адом. Хотя знаете что? Это еще мягко говоря. Алистар заставил нас всех вставать и петь три чертовых факта о себе. Я елозила на стуле, чувствуя, как от нервов моя сыпь становится ярче, хотя все остальные совсем не выглядели смущенными. Полагаю, студенты исполнительских искусств обычно не такие жуткие интроверты, да и вообще – я не встречала ни одного социально неадаптированного певца. Ну, кроме меня.

– Меня зовут Дарла, – пропела девушка с розовыми волосами. – Я люблю писать песни, фотографировать закаты и жить одним дне-е-ем.

– Привет, Дарла-а-а! – Мы были обязаны петь в ответ.

Парень с кожаным дневником оказался унылым:

– Джордж, – хмуро представился он, – люблю книжки, футбол, политику. Кажется, я не в той группе, потому что не учу никакие исполнительские искусства.

Алистар громко рассмеялся.

– О нет, Джордж, – пафосно пропел он, словно мы участвовали в шоу на Бродвее, – дай-ка я проверю журнал, быть может, тебе нужно в другой класс. Да-а-а, твоего имени тут

нет. Извини, но ты здесь лишни-и-и-ий.

– Твою мать, – среагировал Джордж.

Алистар подскочил к нему и взял его бумаги.

– Тебе в B24, а не D24, – решил он проблему.

– Ну твою ж мать.

– Пожа-а-алуйста, не ругайся в моем классе-е-е. Давайте-ка проводим Джорджа песней, – предложил Алистар, после чего тут же запел *So Long, Farewell* из фильма «Звуки музыки». Все стали подпевать, словно в этом не было ничего из ряда вон выходящего. Точнее, все, кроме Ханны – она встретила со мной взглядом, закатила глаза и, пока никто не видел, изобразила выстрел себе в голову, точно описывая происходящее.

Когда подошел ее черед, она встала и произнесла:

– Я люблю театр, но не музыку. И петь не буду.

– Как пожелае-е-ешь.

– Меня зовут Ханна. Я люблю театр, но ненавижу мюзиклы, так что все это... – она сделала паузу для эффекта, – для меня просто ад.

Все ахнули, и только Алистар остался спокоен, хотя и пробормотал что-то вроде: «Поверить не могу, что кто-то в моей группе не любит мюзиклы... Тут, должно быть, какая-то ошибка...»

Ханна пожала плечами и села на место. Моя очередь. Все повернулись в мою сторону, и у меня перехватило дыхание.

Представь, что это концерт, представь, что это концерт.

Надо дышать, иначе петь не получится. Окей, это просто концерт. Обычно у тебя получается выступать на них. Дыши... Дыши...

– Меня зовут Амели, – голос немного сорвался поначалу, но мне удалось его выровнять, – я только что переехала сюда из Шеффилда. Люблю писать песни, петь и играть на гитаре-е-е.

Мир не рухнул. Как и на моих выступлениях, люди немного улыбались, хотя и слушали меня без особого интереса.

– Амели, у тебя прекрасный голос, – радостно сказал Алистар.

Все снова повернулись, заставив меня превратиться в комок нервов и красных пятен. В этот момент я немного ненавидела Алистара – за то, что сделал меня центром внимания, выделив из толпы, хоть это и был комплимент. Я скрючилась на стуле и спрятала лицо за волосами, ожидая звонка.

Олимпийские игры унижения продолжались. Алистар заставил нас играть в «смешнейшие» игры для знакомства.

Одна из них называлась «Вжих-Вжух-Бах!», в ней мы должны были передавать друг другу «шар энергии», издавая при этом разные бредовые звуки и обезьянничая. Я говорила только «вжух» и тихо передавала воображаемый шар другим. Ханна делала так же, заодно бормоча себе под нос: «Кошмар, застрелите меня кто-нибудь». Я широко улыбнулась ей, показывая, что мы в одной лодке. Быть может, по-

дружимся.

Затем нам раздали карты для бинго с фразами вроде «любит розовый цвет» и «любит бегать» – и нам следовало найти людей в классе, к кому относятся эти факты. У меня уже возникло желание уйти из колледжа и сообщить родителям, что образование – это не мое. Но все оказалось гораздо проще. Как только другим выпала карта бинго «приехала издалека», все сами стали подходить ко мне, и я должна была лишь отвечать им, что приехала из Шеффилда. Они делали пометки в своих картах и оставляли меня в покое, спокойно болтая между собой, словно эти задания были самой простой вещью на свете. Я стояла у стенки, судорожно сжимая в руках свою карту, потая и отчаянно желая вернуться в прошлое к своим старым друзьям. Вдруг рядом со мной возникла Ханна.

– Можешь притвориться, что любишь розовый цвет?

Я улыбнулась ей.

– О да, это же мой самый любимый, – пошутила я.

– Классно, какое совпадение, – она отметила это на своей карте, – так, а домашние животные у тебя есть?

– Разумеется, – кивнула я, – единорог.

– О, у меня тоже!

Наши улыбки стали еще шире. Я воспользовалась шансом записать ее имя на своем листе.

– Тебя ведь Ханна зовут, так?

– Ага. Если хочешь, я могу притвориться, что у меня был перелом.

– Заметано. Перелом чего именно?

– А всего. Я прыгнула в лифтовую шахту в знак протеста этим тупым играм. Переломала все кости. Уникальный медицинский случай!

Мы обе захихикали, чувствуя душевное родство.

– Так, у тебя кудрявые волосы? – Я продолжила сверяться с бинго-картой.

– Ну, когда завью их, да.

– Ты левша?

– Иногда я определяю по руке, какая сторона левая, а какая – правая, иначе забываю. Это считается?

– На все сто.

– Окей, моя очередь: ты когда-нибудь была в других странах?

– Ну, я из Шеффилда.

– Очень далекая страна, несомненно.

Внезапно Дарла закричала: «Бинго!» Мы похлопали ей, и в ответ она разыграла сценку, будто благодарит публику за награду на церемонии «Оскар».

В завершение Алистар рассказал нам, что и где находится на территории колледжа, объяснил, как пользоваться расписанием, и напоследок предложил обращаться к нему по любым вопросам. Он мне даже понравился, несмотря на экстравертность. Его уроки точно не будут скучными.

Наконец он отпустил нас; все вышли из кабинета, болтая друг с другом, словно уже были лучшими друзьями.

Я задержалась, стараясь запихнуть тетрадь в сумку. Ханна тоже долго копошилась, после чего подняла взгляд на меня.

– Ну, мы выжили. Ты чувствуешь себя достаточно проинформированной?

– Я, скорее, чувствую, что после сегодняшнего дня мне понадобится длительный курс психотерапии.

Она засмеялась.

– Какой у тебя следующий урок?

Мы вместе вышли из учебного корпуса на улицу. Сотни студентов вокруг нас спешили из пункта А в пункт Б, оставиваясь на ходу и заглядывая в карты в поиске того самого места назначения.

– Английский.

– Блин, у меня литература. – Она нацепила на нос зеркальные очки-авиаторы в попытке укрыться от слепящего солнца. – Так бы могли быть в одном классе. Зато это в одном и том же корпусе. У тебя карта с собой?

По дороге на урок Ханна рассказала мне, как выбрала колледж вместо своей старой религиозной школы:

– Там девочкам всегда надо было носить закрытую одежду, включая пиджаки, даже летом. Я в таком месте фиг останусь, хотя со мной ушли только четверо. – Мы остановились около одного из классов, и я сверилась с картой – тот ли номер. – Кстати, мы с друзьями хотим встретиться выпить кофе. Тут есть одно местечко, называется «Бо Джанглс». Если хочешь, присоединяйся. Во время ланча, м?

Мне хотелось ее расцеловать. Ведь я бы на ее месте никогда и не упомянула, что хочу встретиться снова, как бы сильно этого ни желала. Я проямлила что-то в знак согласия и спросила, где находится заведение.

– Это так очаровательно, что ты пока не знаешь ничего в нашем крошечном городке, – сказала она, показывая мне кафе на своем мобильном. – Не волнуйся, ты быстро сориентируешься. Ладно, встретимся на ланче.

– Пока, – бросила я ей вслед и добавила: – Спасибо.

* * *

Как же холодно. Скоро пойду домой, а то уже почти отморозила задницу. Я поджала ноги, уткнувшись лицом в колени.

С Ханной мы больше не друзья.

У меня вообще больше нет друзей.

* * *

Остаток дня прошел лучше, чем я предполагала. Мне удалось найти все аудитории. Познакомилась с учителями, и они рассказали нам про экзамены. Преподаватель музыки, миссис Кларк, показалась очень клевой, да и вела самый важный для меня предмет. Затем в «Бо Джанглс» я тихо си-

дела рядом с Ханной, которая познакомила меня с Джеком и Лив. Мы разговорились, обсуждая различия между севером и югом.

– О, так ты говоришь «дождь»! А мы говорим «дождь».

– Подливка? С картошкой? Звучит отвратительно...

– Так где конкретно Шеффилд? А, я-то думала, что это еще дальше на север...

– Ты играешь на гитаре? И пишешь песни? Ого!

Все не так уж плохо. Эти ребята знали друг друга, в отличие от меня, но все пошли в колледж, чтобы познакомиться с новыми людьми, и я как раз была новенькой. После общения с ними стали очевидны две вещи: Ханна – лидер этой маленькой группы беглецов из их старой школы, и, судя по обожающим взглядам, Джек влюблен в Ханну.

– Так почему ты сюда переехала? – спросила меня Ханна, одновременно глядя на себя в маленькое зеркало.

– Папу уволили. В итоге он так и не смог найти работу на севере.

– Какой отстой.

Остальные согласно что-то замычали, попивая кофе.

– Да все нормально, – соврала я, – у меня мама из этих краев, так что я уже пару раз была на юге.

– Ну, мы все равно обязаны сказать тебе одну вещь: у нас картошку поливают не подливкой, а кетчупом.

– Еретики.

И мы засмеялись, как смеются вместе новые друзья.

* * *

Я тебя тогда еще не встретила, конечно. Это было время «до тебя». Возможно, уже тогда чувствовалось твое присутствие, когда я шагала в лучах солнечного света домой.

Я была в хорошем настроении. Навигатор в телефоне вел меня по короткому маршруту через аллею рядом с садами...

* * *

У меня оставалось два часа, пока родители не придут домой. Я хотела уделить это время игре на гитаре; в голове уже формировались строчки для новой песни. Аллея завернула налево, выводя меня к старому путепроводу. Судя по навигатору, мне следовало его перейти, что я и сделала, остановившись только на середине моста, чтобы посмотреть на уходящие за горизонт рельсы. В голове стало тихо, и сознание подбросило мне новые слова для песни:

Бреду вперед наугад...
Храня внутри твою любовь...
Так хочется вернуться назад,
Но судьба мешает вновь...

Я сразу поняла, что сохраню эти строчки для вступления.

Боясь, что забуду, поспешила забить их в телефон. Как только закончила печатать, мобильный завибрировал.

– Алло? – спросила я, хотя каждая клетка моего тела прекрасно понимала, кто это.

– Амми! Как все прошло?

Голос Алфи был для меня напоминанием об уюте и доме. Но он звучал невыносимо далеко.

– Совсем неплохо, – ответила я, стараясь подавить тоску и игнорируя нервно сжимающийся желудок. – Познакомилась с одной девочкой из театрального класса, Ханной, она довольно дружелюбная и крутая. И в школе есть прикольные инструменты.

Он засмеялся, и я хорошо могла его представить в этот момент: он всегда держал ладонь у подбородка, а один глаз прищуривался чуть больше другого.

– Ну, это самое важное, – согласился Алфи. – И я рад, что не все южанки кошмарны.

– Не думаю, что у меня получится завести кучу друзей, если я буду называть их так. – Я дошла до конца виадукa и села на скамейку. Ту, на которой сижу и сейчас.

– И то верно, – снова засмеялся он, – но ты можешь тайком о них так думать. И вообще, мы даже не пустим тебя обратно в Йоркшир, если ты не будешь так делать!

– Только посмейте не пустить меня обратно!

Послышались смех в трубке, шум потасовки, крик Алфи: «Эй!» – и Джесса отобрала у него трубку.

– АМЕЛИ, МЫ СКУЧАЕ-Е-ЕМ! ВОЗВРАЩАЙСЯ НА СЕВЕР, СУЧКА!

Я улыбнулась так широко, что, казалось, мое лицо вот-вот треснет.

– Я тоже соскучилась.

– В школе без тебя все было так странно. Я даже подумывала нацепить свитер на воздушный шар и представить, что это ты.

– На мне сейчас нет свитера, – сообщила я, – тут слишком тепло для этого.

– О МОЙ БОГ, ЧУВАКИ, – закричала она в сторону от трубки, – ОНА ГОВОРИТ, ЧТО НА ЮГЕ СЛИШКОМ ЖАРКО ДЛЯ СВИТЕРА!

Послышались возгласы удивления от всех наших друзей.

– Кидай фотки, а то не поверим! – прокричала Кимми. За этим последовало еще больше смеха и возни.

– А ну отдай телефон, Джесса! Джесса, – пытался договориться Алфи, – дам тебе за это моей картошки. Эй, это слишком много! Окей, погоди... Амми, прости, ты еще тут?

– Все еще тут.

– Подожди секунду, я пропущу всех вперед, и мы сможем поговорить спокойно. – На фоне были слышны его шаги по гравию.

– Где вы гуляете? – спросила я, стараясь звучать спокойно.

– О, да как обычно, в ботаническом саду.

Я могла в деталях представить себе их. Точно знала, где

они купили картошку на перекус, на какой скамейке будут сидеть.

– С чем ты взял картошку? – спросила я, заранее зная ответ.

– С подливкой, сыром и майонезом. Последний – мой секретный ингредиент для лучшего вкуса!

– Твой секретный ингредиент отвратителен.

– В отличие от всех вас, я живу в будущем, сама знаешь... – Он недолго помолчал, собираясь с мыслями. – Скучаю по тебе. Весь сегодняшний день был таким странным. И ужасным.

– Два года быстро пролетят...

– Да, мы продолжаем твердить это. Но ты сама как? Я думал о тебе и посылал положительные эмоции – получила?

По моей щеке скатилась первая слеза. Вот и начало.

– Получила. Спасибо тебе.

Мы оба вздохнули, ничего не говоря. Все уже было сказано перед отъездом.

– Как прошел твой первый урок по продвинутой химии? – спросила я, пытаясь перевести разговор на что-то нейтральное. – Вам дали попользоваться горелками?

– Сколько раз тебе объяснять: горелки – это не самое важное!

– Тебе только из-за них и нравятся естественные науки, так что прекрати врать сам себе.

Алфи засмеялся, хотя смех был невеселым. До меня до-

носились голоса Кимми и Джессы, спорящих где-то неподалеку от него.

– Ладно, пора идти, а то они меня без картошки оставят, – сказал Алфи.

Мне совсем не хотелось заканчивать разговор. Не хотелось упускать звук его голоса. Но мы согласились, что смиримся с этой ситуацией, примем этот поворот судьбы и приостановим... нас.

– Всего два года, – сказал Алфи еще перед отъездом, держа мое лицо в ладонях, когда мы оба стояли среди коробок, в которых были собраны шестнадцать лет моей жизни. – И потом мы вдвоем будем жить в Манчестере, вместе.

– И ты будешь ждать меня так долго?

– Ты же знаешь, буду.

– Просто не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным эти два года и возненавидел меня, – плакала я тогда.

– Не возненавижу. И ты тоже. Мы же договорились, помнишь? Можем делать что хотим и с кем захотим, только не влюбляться в них.

– Невозможно влюбиться в кого-то, кроме тебя, – сказала я тогда, искренне веря в это.

Мы целовались и оба плакали, а потом занимались сексом всего лишь в восьмой раз, и это было горько, неуклюже и немного сопливо, но все равно очень мило. После чего шепотом разговаривали всю ночь, фантазируя о нашей крышесносной жизни в Манчестере.

– Хорошо, – сказала я в трубку всего две недели спустя после того разговора, болью ощущая каждый разделяющий нас километр, – спасибо, что позвонил. Я так рада тебя слышать!

Еще одна слеза скатилась по щеке и упала на платье.

– Рад, что у тебя все хорошо.

– Я тоже. Спасибо.

Он положил трубку. Я долго смотрела на свой мобильный, чувствуя, как меня накрывает волна тоски. Руки тряслись; на экран телефона капнула слеза. И на этой скамейке, на этой самой скамейке месяцы назад – когда ярко светило солнце и ты еще не встретился мне, – я уронила лицо в ладони и горько заплакала.

Кто угодно мог пройти мимо и увидеть меня. Но было абсолютно все равно. Спина сотрясалась от рыданий, а платье пачкалось тушью и соплями.

* * *

И вот я сижу на той же самой скамейке, отмораживая задницу. Хочется протянуть руку в прошлое и успокоить саму себя, погладить по голове. Я протягиваю ладонь в перчатке, словно могу утереть слезы той Амели и прошептать на ухо, чтобы она не делала всех тех вещей, которые я уже натворила. Которые привели меня в этот момент. Которые сделали из меня пустую оболочку человека.

Все началось здесь.

Я пока не понимаю, что именно произошло, но знаю точно: все началось именно здесь.

Может, если соединю все точки, то смогу понять, но пока не получается. Последние шесть месяцев не поддаются объяснению. Ни мое поведение, ни эмоции, ни потери. Черт знает что.

Эта скамейка – точка номер один. Первое место, где я плакала на публике.

Закрываю глаза и словно чувствую себя на месте Амели из прошлого: как она встает, как ее плечи трясутся, как по лицу текут слезы. Я тянусь через время и шепчу ей:

– О, Амели, ты еще ничего не знаешь.

Мои слова превращаются в пар и уносятся вдоль рельсов.

2. Столовая колледжа

Здесь совсем нет воздуха. Возможно, потому что снаружи льет как из ведра и все решили укрыться тут. Или просто отопление включено на максимум. Или это ужасный запах спагетти из школьной кухни. А может, как знать, это все потому что ты здесь. С ней. В углу.

Поверить не могу, что ты здесь, что целуешь ее, что я вижу это и мне хочется умереть.

Я одна, как обычно. Изнуренная после бессонной ночи, сижу в противоположном углу, скрываясь под капюшоном. Я нечасто появляюсь здесь в последнее время – предпочитаю проводить перемены в классе музыки или в тихих закутках библиотеки. Обвожу взглядом лица собравшихся – все смеются, едят спагетти, не думают о несложившихся отношениях – и неизменно вижу только тебя. Даже из-под шляпы заметно, как ты улыбаешься ей. И смотришь на нее так, как раньше смотрел только на меня. От этого по всему телу расходуется боль.

Зачем я себя мучаю?

Эта мысль проносится в голове уже в сотый раз.

За столиком неподалеку от выхода сидят в обнимку Джек и Ханна, притворяясь, словно не замечают меня. У них это хорошо получается.

В желудке тяжесть, тошнит, от запаха макарон становит-

ся еще хуже. Я почти ничего не ем в последнее время, и это беспокоит родителей. На гитаре тоже мало играю, и это беспокоит миссис Кларк. Мне же хочется, чтобы замечал все это и беспокоился только ты.

А тебе все равно, Риз. Ты ведь меня не замечаешь!

И это так глупо, ведь именно тут я встретила тебя тогда. А ты меня заметил и даже более того...

Хотя, конечно же, в тот день набитая студентами столовая выглядела совсем иначе.

* * *

– Ого, они тут серьезно парятся из-за местного шоу талантов, – заметила Ханна, как только мы вошли в столовую колледжа.

Мы втроем остановились и огляделись по сторонам, оценивая все преобразование. На месте музыкального автомата кто-то водрузил профессиональную сцену. На кухне соорудили бар. С потолка свешивались софиты и прожекторы, благодаря которым стены были украшены созвездиями и Млечным путем. И, главное, люди – собралась такая толпа, словно весь колледж решил прийти сюда одновременно. С начала семестра прошло лишь две недели – всем еще было интересно заводить новые знакомства.

– Как хиппи с факультета музыкальных технологий хватило сил на все это? – пошутил Джек, заставляя Ханну сме-

яться. Я улыбнулась, глядя на них обоих. Мне повезло догадаться, что они нравятся друг другу, раньше них самих – и это как бесплатные билеты на «Шоу Джека и Ханны». Я была очень рада за них, хотя это и заставляло сильнее скучать по Алфи.

Тот не писал мне уже неделю.

Не то чтобы это было обязанностью. Он свободный человек, и я тоже. Все по плану. Но я все равно с ума сходила: вдруг встретил кого-то? Вдруг забыл обо мне и о Манчестере? Этих переживаний хватало, чтобы отвлечь меня от моей НАВЯЗЧИВОЙ БОЯЗНИ ЧЕРТОВОЙ СЦЕНЫ.

– А куда нам кинуть вещи? – спросила я, перевешивая гитару с одного плеча на другое.

– Даже не знаю, – ответила Ханна, – мне для выступления ничего не надо, а остальным...

Я сделала глубокий вздох; мне надо было отделиться от них и пойти говорить с другими людьми, чтобы со всем разобраться. Я начала нервничать, хотя и до этого переживала – ведь мне предстояло петь перед всеми. В Шеффилде у меня была парочка фанатов, и я могла немного расслабиться, увидев их знакомые лица в толпе. Здесь же вообще не знала, зацепит ли кого-нибудь моя музыка или нет.

– Хорошо, я пойду узнаю.

– Окей, мы пока возьмем чего-нибудь попить, – ответил мне Джек. – Тебе чего намешать? Колу, лимонад? – Мы хорошо знали, что у него в куртке была спрятана небольшая

бутылка с водкой.

– Колу, пожалуйста.

– Встретимся перед сценой! – бросила через плечо Ханна, увлекаемая в толпу.

Они затерялись среди остальных студентов; кого-то из них я уже немного знала в лицо после первых двух недель обучения. Девушка из моего класса по английскому, Кэролин, поздоровалась, проходя мимо. Я помахала ей в ответ и покраснела, проклиная себя за неловкость в общении с другими. Все больше народу заходило в столовую, образуя затор около дверей – все любовались сменой декораций.

А тебе нужно петь перед этими людьми.

Пожелав своему подсознанию заткнуться, я попыталась сообразить, куда пристроить гитару. Неподалеку заметила Дарлу с ее новой зеленой прической.

– Дарла! – крикнула я, привлекая ее внимание.

– Эй, Амели, ты как?

– В порядке, – я протолкнулась к ней, по ходу стукнув кого-то гитарой, – мне просто нужно куда-то пристроить свои вещи. Ты же играешь сегодня, да?

Она кивнула.

– Не подскажешь, куда это можно сложить?

– Все оставляют свои инструменты в классах музыки.

– Логично. Спасибо за помощь. Ты какая по счету? – спросила я, стараясь проявлять дружелюбие.

– Третья. А ты?

– Вторая с конца.

– Ох блин, – поморщилась Дарла, – так тебе весь вечер переживать перед своим выходом?

В яблочко. Я засмеялась, но в тот момент это было больше похоже на мышинный писк.

– Ха-ха, да, знаю. Это отстойно. Еще раз спасибо.

Я вышла из душевой столовой на улицу, хотя там оказалось не менее жарко. На мне был серый кардиган с самодельными дырками для больших пальцев на рукавах поверх нежно-голубого платья.

Как только в кармане завибрировал телефон, я поспешила открыть сообщение. Алфи! Точно он!

Джесса: Удачи тебе сегодня, Человек-Свитер. Развлекись там перед шоу, нервничая и недооценивая свои шансы на победу. Всегда любила за этим наблюдать!

Это вызвало у меня улыбку, хоть и не такую широкую, как обычно. Просто Джесса не Алфи, а мне хотелось получить сообщение только от него. Но я все равно послала ей ответ, почувствовав себя менее одинокой.

Амели: Да не смогу я победить... Но, серьезно, спасибо тебе. Очень хочу, чтобы ты была здесь. Точнее, нет, я хочу быть ТАМ.

Я подошла к зданию, где у нас проходили уроки музыки. На двери висела табличка: «Оставляйте свои инструменты здесь».

Протолкнувшись внутрь и задев гитарой дверной проем, я впервые увидела его.

Первое, что бросилось в глаза, это его красота. Всегда думала, что так выглядят только принцы в диснеевских мультиках или рассказах моей бабушки, но это относилось также к Ризу Дэвису.

Блин, какой же красивый.

Он стоял со своей группой, хотя я никого вокруг не замечала. Риз улыбнулся, увидев меня, чем и сразил наповал.

– Эм, привет, – пискнула я, – тут ведь можно гитару оставить?

Он был высоким, с точеными чертами лица и выдающимся подбородком с ямочкой. Даже в помещении на нем была шляпа, но благодаря внешности он не выглядел при этом как невоспитанный придурок.

Как только он собрался мне ответить, подбежала весьма замотанная миссис Кларк.

– Амели! Да-да, ты по адресу, – она протянула руки к моему кейсу, и я с благодарностью всучила ей гитару, – как ты себя чувствуешь?

– Нервничаю, – призналась я.

– Не стоит, у тебя все получится.

– Надеюсь.

Риз еще ничего не сказал, но уже покори́л меня – будто от него исходили какие-то невидимые магнитные волны.

– С какой песни ты начнешь? – спросила меня миссис Кларк, и я рассказала ей о своей десятиминутной программе, одновременно подслушивая разговор стоявших рядом парней.

– Я все же думаю, что нам надо начать с песни «Добро пожаловать в никуда», – уверенно сказал он своим товарищам.

– Но, Риз, мы же договорились...

– Чувак, – он улыбнулся, прерывая возражения, – мы же должны зажигать, как настоящие рок-н-рольщики, расслабься. Мы можем легко изменить подборку песен, и никто нас за это в угол не поставит.

Его друзья нату́жно засмеялись, и я смотрела на его улыбку, пока миссис Кларк снова не отвлекла меня вопросами о моем методе написания песен.

* * *

Сейчас я жалею, что не вышла тогда из актового зала, убе́гая прочь, прочь, прочь... Я так не поступила. Вместо этого пошла обратно в столовую, нашла Джека и Ханну, позволила Джеку налить мне водки в колу и продолжила дальше этот путь саморазрушения.

Никогда ведь не знаешь, что произойдет в будущем, да? Не знаешь, какой момент сделает твою жизнь лучше, а какой

– разорвет все на кусочки. Но что пугает меня больше всего, Риз, это что сейчас, сидя в душной столовой, несмотря на разбитое сердце, я...

Я боюсь, что поступила бы точно так же и во второй раз. Что же ты сделал со мной, Риз?

* * *

Шоу началось с выступления битбоксера, который не уложился в свои десять минут. Среди зрителей мы нашли Лив – она пришла со своими друзьями из класса фотографии. Я немного побаивалась ее. Девушка выглядела угрожающе, но это был такой стиль – вела она себя весьма дружелюбно, так, словно рада меня видеть. Мы все махали друг другу, кричали «привет» и старались хоть как-то поговорить, невзирая на парня, плюющего в микрофон. Одновременно я пыталась унять мандраж по поводу предстоящего выступления.

– Какое ужасно неудачное сочетание, – сказал как-то раз Алфи перед одним из моих последних концертов в Шеффилде, – что ты так талантлива, но так сильно боишься сцены.

– А что, если меня стошнит? – спросила я тогда.

– Говорю в сотый раз: ты мне все равно будешь нравиться, – успокоил он.

Тошнота была одним из моих страхов – я часто представляла, как содержимое желудка выплескивается на меня и окружающих. Затем был страх опи`саться. Потом – страх за-

быть слова. Была еще фобия вспомнить слова, но петь их мимо нот...

А сейчас мне впервые за несколько лет предстояло пойти на сцену без поддержки Алфи.

Почему он мне не написал?

– Амели, ты в порядке? – прокричал мне Джек. – Выглядишь немного зеленой. Может, еще лекарства? – Он показал на бутылку водки.

Я знала, что это плохая идея, но все равно согласилась и позволила ему наполнить мой стакан. Глотнув, я почти не почувствовала вкуса колы.

Битбоксер закончил под вялые аплодисменты. Судьи показали карточки с щедрыми в данном случае пятерками и шестерками. Следом выступали танцоры. Группа высоких и стройных девушек в обтягивающих шортах порхала по сцене с лентами под какой-то рэп. Джек подлил мне еще водки, и стало повеселее.

На сцену поднялась Ханна и классно представила сценку из «Монологов вагины», за что судьи дали ей пару восьмерок. Я наблюдала за тем, как Джек любит ее, подтверждая мою догадку. Подтолкнув его локтем, спросила:

– Она тебе нравится, да? – Алкоголь сделал меня способной на инициацию разговоров.

– Это так очевидно? – улыбнулся он.

– Хм, может, только для меня. Люблю наблюдать за людьми.

– Я заметил.

– Думаю, ты ей тоже нравишься, если тебе от этого легче.

– Правда? – Его лицо озарилось на секунду, но затем он помрачнел и снова повернулся ко мне. – Но она весь выпускной провела, целуясь с каким-то хреном из футбольной команды.

– Может, просто...

Мне не удалось договорить, потому что на сцену поднялась новая группа. Все закричали и зааплодировали громче, чем за весь вечер. Я подняла взгляд, чтобы увидеть, из-за чего этот шум: на сцене появились парень в шляпе и его группа. Риз. Он поправил головной убор и сжал в руках микрофон.

– Привет, мы *That Band*, – анонсировал он, излучая уверенность при каждом слове.

Они исполнили песню, из-за которой спорили раньше, и это был правильный выбор. Хорошие слова, запоминающаяся мелодия. Со сцены изливались потоки харизмы. Было невозможно не смотреть на Риза – пусть у него был и не лучший голос, но с его самоуверенностью все получалось просто шикарно.

К нам наконец вырвалась Ханна.

– Как вам мое выступление? – прокричала она, заставляя меня отвернуться от сцены.

– Ты была просто на высоте! Когда мы можем проголосовать за тебя как за нового премьер-министра Великобрита-

нии?

Мы все обнялись – она, Джек, Лив и я. А когда мы разомкнули объятия, Ханна обратила внимание на сцену.

– О боже, – простонала она, – это же парад придурков!

* * *

Вот оно.

Это был первый красный флажок. Прямо там. Таких флажков было великое множество, но каждый из них я проигнорировала.

Остановилась ли тогда перед этим, подумала ли: «Хм, почему это похоже на нечто красное и флагообразное»?

Конечно, нет.

* * *

Я наклонилась к Ханне, радуясь, что она знает его.

– О чем ты говоришь?

– Риз-чертов-Дэвис. Их вокалист. Известен также как Король Засранцев. Он учился в другой школе, но мы ходили на одни и те же курсы.

– И почему он такой засранец?

Они заиграли медляк, и стало тяжело обсуждать нашу тему так, чтобы никто не подслушал. Эта песня была хуже пер-

вой, и я поймала себя на том, что редактирую ее в голове. Припев следовало сделать пораньше, и слова полны клише... Но он пел так хорошо, что, могу поспорить, каждый в зале был немного влюблен в него в этот момент. Кроме Ханны.

Остаток их выступления я провела как в тумане. Загорелся свет. Судьи дали им пару девяток под громкие аплодисменты. Внезапно я поняла, что уже почти подошла моя очередь.

– Ты следующая, – напомнила Ханна, пока я провожала Риза глазами. – Иди подготовься.

– УДАЧИ, У ТЕБЯ ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ! – закричали мне на ухо Лив и Джек.

Я прошла вдоль сцены, где уже ждал Алистар, который радостно вскрикнул при моем появлении и дал пять.

– Амели! Я очень хочу услышать, что ты для нас всех подготовила!

До выхода оставалось совсем мало времени: по сцене взад-вперед ходил комик в костюме-тройке.

– Вы когда-нибудь замечали, как долго люди торчат перед банкоматами? – спросил он зрителей, но не получил ни ответа, ни смеха. Я заволновалась еще больше.

– Немного нервничаю, – призналась я Алистару. Литота¹ двадцать первого века.

Один из студентов-организаторов передал мне гитару, и я

¹ Образное выражение, состоящее в преуменьшении величины, силы, значения изображаемого явления (*прим. ред.*).

повесила ее на шею. Сразу стала чувствовать себя чуточку увереннее – гитара будто заслоняла меня от внешнего мира.

Алистар улыбнулся.

– Должен сказать, был удивлен, увидев твое имя в списке участников. Ты на занятиях едва разговариваешь.

– Все удивляются, когда узнают, что я пою. Не знаю даже, зачем себя этим мучаю.

Послышался вежливый смех толпы.

– Хм, кто-то сливает свое выступление, – сказал Алистар, а потом заметил мое выражение лица. – Не волнуйся! Слышал от миссис Кларк, что ты очень талантлива. Уверен, все пройдет хорошо.

Я постаралась принять его заверения и комплименты, но расслабиться не получалось. Из-за водки меня немного мутило, из-за отсутствия Алфи я все больше накручивала себя, а от умирающего на сцене комика вообще тошнило.

Слишком быстро послышались вялые аплодисменты, и стендапер покинул сцену.

– Твоя очередь, – шепнул Алистар и ободряюще показал мне два больших пальца.

Тут же все давно знакомые пессимистичные мысли ломанулись в сознание: «Ты отстойно сыграешь. Опозоришься. Все возненавидят твою музыку и тебя. Почему ты не сходила в туалет заранее, хочешь, чтобы стошнило на сцене?»

Я все равно взобралась по ступенькам, нетвердо шагая в своих ковбойских сапогах и натягивая кардиган ниже. Сев на

стул, испытала такой ужас от происходящего, что подключение гитары заняло у меня вечность.

– Ура, давай, Амели! – выкрикнула Ханна в повисшей тишине, и это крошечное проявление дружбы помогло мне собраться.

– Спасибо, – пробормотала я в микрофон, заставив публику захихикать. Все расслабились, помогая этим и мне. Разобравшись с проводами, я снова наклонилась к микрофону, не до конца понимая, что делаю. – Я хочу спеть вам песню «Давай рискнем».

Если сделаем это,
Мы не сможем вернуть
То, что было раньше,
И каким был наш путь...

Я сочинила это для Алфи – мою самую любимую песню. Зрители замолкли, внимательно слушая. Я закрыла глаза и старалась прочувствовать каждое слово той истории, которую пела.

Только время подскажет,
Если это ошибка,
Стоит ли этот риск,
Чтоб ответить улыбкой...

Голос набирал силу, и я попадала во все нужные ноты.

Получалось хорошо. Я была хороша. Открыв глаза, увидела замороженную толпу. Меня наполнила эйфория: их проняло.

Я пела про нас с Алфи. Как мы долго ходили вокруг да около, боясь потерять нашу дружбу. Оба думали, что интересуем друг друга только как друзья. Я пела обо всех наших «почти-моментах», о том, что мы наконец стали встречаться лишь несколько месяцев назад, не осознавая, что до расставания осталось совсем чуть-чуть. Но теперь впервые пела для людей, среди которых Алфи не было. И в телефоне не было сообщений от него. Я почувствовала облегчение, закончив песню.

Стоящие перед сценой замороженные люди внимательно слушали, ожидая следующей композиции. Я ударила по струнам и начала играть одну из своих легких песен для публики – мажорный фолк с веселым припевом, чувствуя, как растёт уверенность в себе: студенты вокруг улыбались, некоторые танцевали. Я тоже улыбалась, даже потерялась ненадолго в моменте, постукивая в такт ногой и смеясь над забавными строчками. Когда закончила, раздались громкие аплодисменты.

– А теперь моя последняя песня, – сказала я в микрофон, – надеюсь, вам понравится. Она называется... «Дом».

Само слово «дом» немного выбило меня из колеи. Произнеся его вслух, я вспомнила о месте, где чувствовала себя в безопасности, где была счастлива, но куда больше никогда не смогу вернуться.

Мой дом там, где сталь...

Я пела, и все самые любимые места Шеффилда всплывали в памяти. Фонтаны около здания городского собрания, через которые мы бегали в жаркие летние дни; нависающая башня университета, которую мы использовали как ориентир; склоны, поросшие вереском, около нашего района.

Без дома мое сердце превратилось в сталь.

Почувствовала подступающие слезы. О боже, я не могу сейчас расплакаться. Не здесь, где все смотрят.

Я постаралась собраться после первого куплета и припева, но на втором, на словах «И я не могу вернуться назад, потому что больше там дома нет», меня прорвало.

Я заплакала прямо на сцене. Слезы медленно текли по щекам, голос срывался, руки тряслись. Поверить не могла, что разрыдалась, пытаюсь выиграть конкурс талантов. Как унижительно. Но каким-то чудом я продолжала петь. Старалась вложить в песню все свои эмоции, и это было весьма просто с моими водопадами из слез. Я достала на свет воспоминания о том, как ужасно было прощаться с Алфи; как я стояла в своей пустой комнате, осознавая, что больше никогда не вернусь туда; как задыхалась от чувств во время переезда, когда все указатели на дороге вели «на юг», а я даже не могла ничего сказать, потому что папа чувствовал бы себя еще более виноватым. Все это вошло в песню, и слезы продолжали капать, когда я закончила петь со всхлипом на аккорде Ре-минор.

Стояла полная тишина. Я вытерла глаза и посмотрела на собравшихся, внезапно возвращаясь в реальность. Молчание продолжалось еще пять долгих, ужасных секунд, а потом загремели аплодисменты.

Самые громкие за вечер. Я моргнула и открыла рот от удивления, но все стали хлопать еще сильнее. Я сошла со сцены, готовая снова заплакать, – в этот раз от благодарности к публике. Алистар встретил меня на ступеньках, широко улыбаясь.

– Ты слишком рано ушла, – сказал он, – даже баллов не дождалась!

– Упс.

Я повернулась к судьям как раз в тот момент, когда они подняли свои карточки. Две девятки и две десятки. Я выигрываю! Разрыдалась у всех на виду, но все равно лидировала.

Алистар ободряюще хлопал меня по спине, радостно крича всем вокруг, что я именно его студентка. После такого мне было даже стыдно пробираться через толпу. Я потеряла глаза, радуясь, что не красилась до концерта, и попыталась найти своих друзей. Окружающие поздравляли меня. Из ниоткуда выпрыгнула Дарла и обняла, словно мы были лучшими подругами.

– Это было так круто! – заверещала она. – Говорят же, что в тихом омуте еще и не такое водится, м-м-м?

– Спасибо, – пробормотала я, судорожно стараясь найти спасение в лице Джека, Ханны и Лив. И нашла: они встрети-

ли меня как вернувшегося с войны героя, обнимая изо всех сил.

– Боже, боже, – повторяла Ханна, – я в шоке. Ты же обычно такая... тихая. О мой бог. Ты потрясна!

– Расплакалась, – ответила я, все еще желая провалиться сквозь землю. – Так стыдно. Взяла и разревелась при всех.

– И это тоже было классно, – уверила меня Ханна, притягивая еще раз для объятий, – очень трогательно! Мне жаль, что ты так скучаешь по дому, Амели. Должно быть, это ужасно трудно.

Остаток выступлений прошел для меня как в тумане. Когда последняя группа закончила показывать свои гимнастические трюки и судьи показали свои оценки, моя победа стала очевидной для окружающих. Они называли мое имя под громкие овации публики, заставляя меня желать одновременно испариться от смущения и наслаждаться каждым моментом, ведь я победила, победила, победила! Наверное, от меня ждали какой-то речи, но я даже стояла с трудом. И, получив маленькую статуэтку, постаралась как можно быстрее смыться со сцены. Остановилась только у ступеней, увидев его с товарищами по группе, пока они ждали своей награды за второе место.

– Давай помогу, – сказал он, протягивая мне руку.

Как только я встретила с ним взглядом, меня поразило сильное и ранее неизвестное чувство. Столовая и все люди в ней перестали существовать. Я чувствовала каждую кле-

точку своего тела. И когда взяла его за руку, потенциальная химия наших отношений была такой богатой, что я не смогла даже поблагодарить его – просто молча позволила помочь спуститься со сцены. Он продолжал смотреть на меня, и это было умопомрачительно.

– Ты была великолепна, – прошептал Риз, перед тем как отпустить мою руку и подняться на сцену со своей группой.

А я застыла на месте, с трудом переводя дыхание и пытаюсь сообразить: что это вообще было?

* * *

За все то время, что сижу здесь, ты ни разу не встретился со мной взглядом – смотришь только на нее. Никогда раньше я не чувствовала такой всепоглощающей ревности. Раньше ты смотрел на меня так, словно мое лицо было для тебя ответом на все вопросы вселенной. Что же изменилось? Как будто ничего этого не происходило, как будто мы ничего не значили друг для друга. Я сижу в паре метров от того места, где ты впервые коснулся меня, помогая сойти со сцены, и прошептал, что я была для тебя той самой.

Ты врал? Сколько «тех самых» у тебя было?

Полагаю, это лишь один из тех вопросов, на которые никогда не будет ответа.

После нашей короткой встречи с Ризом я снова видела мир как в тумане. Отчасти это было из-за выпитой водки, отчасти – из-за того, что всем вокруг внезапно захотелось поговорить со мной. Но больше виноват был именно он. В тот момент мне казалось важным снова увидеть его, а лица окружающих приносили лишь разочарование.

Ханна и Джек затерялись в толпе поздравляющих с победой в конкурсе. Все хлопали меня по спине и кричали: «Молодец, Амели!», и всего этого внимания было чересчур много. Мне не хватало воздуха; я пробормотала извинения и выскользнула из столовой.

В вечернем сумраке корпуса колледжа выглядели оранжевыми. Я зашла за угол и прислонилась к стене, почувствовав прохладу кирпичей. Закрыла на секунду глаза – мой внутренний интроверт сегодня настрадался и требовал отдыха. В тот момент я приняла решение забрать свою гитару и уйти по-английски, надеясь, что никто не заметит. Одна лишь мысль о том, как упаду на кровать в своей спальне, в полном одиночестве, заставила меня улыбнуться. Подумать даже не могла, что, открыв глаза, увижу прямо перед собой Риза.

– Почему ты стоишь тут одна? – спросил он, наклонив голову, на которой была все та же шляпа.

– Просто... дышу воздухом, – сказала я, чувствуя, что за-

дыхаюсь. Моментальное притяжение к этому едва знакомому парню казалось чем-то фантастическим. – И гитару хочу забрать.

– Я тоже иду в музыкальный корпус. Может, пойдем вместе?

Мое желание побыть в одиночестве мгновенно улетучилось. О таком обычно только в книгах пишут. Сама мысль идти с ним рядом казалась мне самым восхитительным путешествием из всех возможных. Дж. Р. Р. Толкин не смог бы сочинить более увлекательного похода, чем эта прогулка с Ризом Дэвисом. Я отлепилась от стены, и мы зашагали рядом.

– Классная шляпа, – вырвалось у меня против воли.

– Мерси, это одна из моих любимых. Зову ее «Верный друг». – Он слегка поправил ее на голове и негромко засмеялся.

Я не могла не смотреть на него, выхватывая мелкие детали. Мне нравилось все в его стиле – он одевался как старомодный денди. Шляпа сочеталась с жилеткой, узкие черные брюки смотрелись как что-то из позапрошлого века. Казалось бы, он не должен выглядеть так хорошо, но ему очень шел этот стиль.

– Ты пряталась? – спросил он. – Устала от того, как все восхищаются тобой?

– Я не пряталась, просто... Ну, ладно, пряталась.

Он засмеялся.

– Разве ты не должна купаться в лучах своей славы?

– Я стеснительная, – пришлось признаться мне, – и внимание окружающих – это мой личный ад.

– А по твоему выступлению и не скажешь. Ты действительно была офигенной. – Он снова засмеялся, заметив, как я стараюсь принять его комплимент. – Меня зовут Риз, – добавил он, – я видел тебя уже не раз в этом году, все время хотел сказать «привет». Так что привет! – Он по-ребячески помахал рукой.

– О, да, привет. – Я была настолько не в себе от разговора с ним, что даже такой ответ казался достижением.

– Ты же Амели, правильно?

Я ошарашенно кивнула. Он знал мое имя? И уже видел меня в колледже? А я его совсем не замечала. Как можно было не заметить кого-то в шляпе?

Мы дошли до здания, в котором проводились музыкальные занятия, и остановились, не сводя друг с друга глаз. Я захихикала, подчеркивая неловкую тишину, хотя Риз выглядел довольно уверенным.

– Где твоя группа? – спросила я. – Кстати, совсем забыла сказать: мне очень понравилось ваше выступление.

– Спасибо, и черт их знает. Видел, как ты уходишь, и пошел за тобой. – Он смущенно почесал краснеющую шею. – Прости, хм, это прозвучало так, будто я какой-то поехавший преследователь. А все ведь так хорошо начиналось.

– Что начиналось?

– Попытка познакомиться с тобой.

Меня накрыло волной эмоций, которая мешала осознать сказанное им.

– Нам... наверное, надо забрать свои вещи, – пропищала я срывающимся голосом, но меня проигнорировали.

– Что ты сейчас будешь делать?

– Хм, пойду домой.

– И сама потащишь гитару?

– Как и все годы до этого.

– Да, но ты наверняка устала. Давай провожу? – Он улыбнулся, словно знал, что отказа не последует. Так и случилось.

Он открыл передо мной дверь, как настоящий джентльмен, и я снова хихикнула. Внутри в окружении инструментов и сумок стояла миссис Кларк, пытающаяся хоть как-то разобраться с этим бардаком. Она выглядела измученной, но, увидев нас, приободрилась.

– Амели! Поздравляю, ты была великолепна! Просто прекрасна! Мне безумно понравилось твое выступление. Ты тоже, Риз. Первая песня сегодня была новой?

– Все верно, – подтвердил он, – другие думали, что она еще не закончена, но я их переубедил.

– Ну что ж, тогда сегодня у меня есть повод гордиться собой как учителем музыки. Вы пришли за вещами?

Я пробралась к своей гитаре, стараясь притвориться занятой и не сойти с ума от того, что нахожусь так близко к Ризу. С трудом вытащив тяжелый кейс, увидела на нем наклейку,

которую когда-то давно наклеил Алфи:

«Я НЕ СКРОМНЯЖКА, ПРОСТО СКРЫВАЮ СВОЮ КРУТОСТЬ, ЧТОБЫ НЕ ПУГАТЬ ВАС»

Коснувшись картинки, я с нежностью подумала об Алфи. Затем вспомнила отсутствие сообщений в телефоне, резко встала и закинула гитару на плечо.

– Ты готова? – спросил меня Риз с такой естественностью, словно мы давно знаем друг друга и всегда проводим время вместе после наших концертов.

– А ты свою гитару не берешь?

– Оставлю тут. У меня музыка идет первой парой в понедельник, да и мне нужны свободные руки для твоей.

Я сморщила нос, думая: «Мне не нужна ничья помощь» и одновременно «Да-да, помоги, чтобы мы продолжали стоять так близко».

– До свидания, миссис Кларк! – помахала я ей и засоби-ралась к выходу.

– Пока, Амели. И еще раз поздравляю тебя. Риз, доставь ее домой в целости и сохранности.

Он отсалютовал ей в ответ.

– Так где ты живешь? – спросил он, как только мы вышли на улицу.

– Эм... Черри Хилл Гарденс. – Эти слова все еще звучали странно. Я жила не там, а в Шеффилде, Тернерс Хилл, 26. Но это было в прошлом...

– Ага, знаю, где это. Наш город такой мелкий, тут все ме-

ста знакомы. — Он снял гитару с моего плеча, не спросив, перекинул себе за спину и повел нас к моему дому.

Это наверняка должно было казаться более чем странным — идти вечером домой с незнакомцем в шляпе и классической жилетке. Но все оказалось до странного нормальным. Будто сама судьба протянула нить, за которой я и последовала.

— Так ты издалека? — спросил Риз, переключившись на новую тему.

— А что, у меня такое странное произношение?

— Честно говоря, да, — засмеялся он, — но вообще тут просто все друг друга знают. Даже помнят, кто в каком возрасте болел ветрянкой, фу. Так откуда ты?

— Шеффилд.

— О, это объясняет твой музыкальный дар. Это же родина *Arctic Monkeys*, *Pilp*, *The Long Blondes*... А теперь еще и твоя, Амели.

Я улыбнулась и покачала головой под впечатлением от его слов. Большинство людей даже не знали, где находится Шеффилд, не говоря уже о местных музыкальных знаменитостях. Я решила сказать ему об этом.

— Музыка — это, пожалуй, единственное, в чем я хорошо разбираюсь, — ответил он. — А тебе какая нравится?

— Боже, это же самый сложный вопрос на свете!

Его лицо озарилось широкой улыбкой, хорошо видной в свете фонарей.

– Окей, сузим рамки вопроса. Кем из певцов тебе хотелось бы быть?

– Лора Марлинг! Это благодаря ей я была так помешана на свитерах и кардиганах.

– Так и знал, – сказал Риз, – ты очень похожа на нее! Я думал об этом во время твоего выступления.

Это, пожалуй, был самый лучший комплимент из возможных. Но я все равно на автомате затрясла головой, отрицая сходство.

– Чистая правда, не вру. О таком не шутят.

– Ну хорошо, а тебе она нравится? – спросила я.

– Нравится? Да я фанат! Вообще осуждаю всех, кто не фанатеет от нее. Это мой способ проверки того, хороший человек или нет.

После этого заявления мы умудрились пройти целый километр, возбужденно сравнивая ее лучшие песни, альбомы, тексты, стиль музыки... У меня во рту пересохло от шока: я встретила кого-то, чьи познания о Марлинг были сравнимы с моими.

– Так, следующий вопрос, – продолжал Риз, освещая фонариком мобильного темную аллею. – Любимый музыкант, о котором никто не слышал?

И снова ответ последовал немедленно:

– Олдос Хардинг.

– Да ладно. Ты знаешь ее?

– Ты знаешь ее?

Риз потряс головой, пребывая в таком же шоке.

– Это так странно.

Чем дальше, тем более удивительным все казалось. Пока мы говорили, становилось понятно, что я встретила свою вторую половинку в мире музыки.

– ...Да, Тейлор Свифт очень даже крута, ее должны воспринимать всерьез, – соглашался он со мной.

На каждый ответ у нас тут же вылетало: «Я тоже, я тоже!», и мы улыбались друг другу как чокнутые.

– Когда ты начала писать песни?

– Насколько мастерски ты владеешь гитарой?

– Где черпаешь вдохновение?

– Как ты настраиваешься на процесс?

– Серьезно?

– Да, я тоже.

– И я.

Мы гуляли по темным улицам от одного круга оранжевого света к другому, и я рассказывала о себе больше, чем за всю жизнь. Как только отвечала на вопрос – он тут же задавал следующий. Такого с парнями никогда не случается. Обычно они говорят и говорят, нужно только кивать в ответ на их якобы гениальные познания. Даже Алфи порой любил слушать сам себя, особенно когда говорил о ГМО, химии или чем-то еще. А Риз был не такой. Казалось, он искренне заинтересован каждым моим ответом, заморожен моим голосом, и это просто кружило мне голову. Я расслабилась, даже сама

того не подозревая, жестикулировала и смеялась над своими же ответами.

– Я давно пишу песни... с детства... Вроде тех детей, которые хотели играть музыку еще до того, как научились нормально говорить... А, та песня была о моей тоске по дому... Нет, тут у вас очень даже неплохо, но я же почти никого не знаю. Все мои друзья остались там... Любимый цвет? Зеленый, а что? А твой? Тоже? Серьезно? Ты не притворяешься?.. Да, мои родители не в разводе... хотя это было тяжело для них, ну, из-за папиной работы... Да, мы поэтому сюда и переехали.

Мы дошли до путепровода, и мне стало неловко, что так много говорю о себе. Я попыталась узнать его получше:

– А как давно ты тут живешь?

– Всю свою чертову жизнь, – вздохнул он.

– А твоя группа, вы давно вместе играете?

– Тоже всю жизнь, – закатил он глаза. – Мы дружим с первого класса.

– У вас хорошо получается, очень слаженно.

– Спасибо, – не стал отпираться от похвалы Риз. – Мы собрали группу в седьмом классе. И это супер, но я не знаю даже...

– Что не так?

Мы остановились посередине моста. В темноте было нелегко разглядеть его лицо, но иногда лунный свет красиво очерчивал сильный подбородок и высвечивал густую ще-

тину. У большинства парней в колледже не было и намека на какую-то поросль на лице; даже Алфи часто из-за этого смущался.

– Я просто... как бы сказать... Иногда мне хочется начать сольную карьеру, понимаешь? Играть в группе – это очень классно, но они могут и здорово мешать. Вот, например, ты. Победила сама по себе сегодня. И тебе не нужно было идти ни с кем на компромисс по поводу того, какие песни вы будете играть. А мы все спорили об этом перед выступлением... Извини, – внезапно прервался он и с улыбкой повернулся ко мне, – я тут разнылся, а это не лучший ход, когда хочешь понравиться девушке.

Я заморгала, пытаясь переварить услышанное. Он только что взял и признался, что хотел произвести на меня хорошее впечатление. На меня! Я чувствовала себя пьяной от его слов...

...потому что я – чертова идиотка.

* * *

Давай разберемся с этим сейчас, как тебе идея?

Прямо здесь, в душной столовой, где ты меня игнорируешь. Где мой мозг мечется между ненавистью к тебе, желанием вернуть все назад и злостью на себя за это.

Что я пропустила? В ту ночь на мосту?

Я победила только из-за того, что пела одна, а ты был в группе.

Не правда ли, Риз? Ведь ты именно это ты имел в виду? Между всеми комплиментами, долгими взглядами и провождением меня домой с гитарой. Ведь все это тоже было частью твоего плана, могу поспорить. Унизить меня с помощью комплиментов. Это именно то, что ты и сделал потом.

* * *

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты потрясающая? – внешне спросил он, заставив меня засмеяться.

– Ты ведь меня даже не знаешь.

– Но очень хочу узнать.

Риз смотрел на меня так, что было невозможно не поверить. И я глядела на него, не понимая, что происходит, но зная: это что-то очень важное. В моей крови бушевал алкоголь, я чувствовала эйфорию после выступления, но при этом ностальгировала по дому и была подавлена вниманием людей к моей особе.

На секунду показалось, что он вот-вот меня поцелует. Мы смотрели друг на друга именно как те люди, которые готовы к поцелую. И это было чем-то просто сумасшедшим. Я забыла, что совсем не знаю его. Забыла, что люблю Алфи. И что такое случается только в кино.

– И как ты это понял, если мы только сегодня встрети-

лись? – спросила я, надеясь разорвать повисшее между нами напряжение.

– Я знаю, что ты это тоже чувствуешь... – Он наклонился ближе, всматриваясь в мои глаза.

Мы двигались ближе и ближе друг к другу в темноте, словно пытаясь разглядеть что-то важное. Наши губы были совсем близко, и тут... ВЖ-Ж-ЖУХ! Под нами пронесся поезд, задирая воздушным потоком мое платье. Раздался громкий гудок, и я подскочила на месте, пока Риз хохотал, удерживая свою шляпу рукой.

Момент был упущен. Даже шарм Риза не смог бы его вернуть.

– Пойдем, доведу тебя до дома. – Он приобнял меня одной рукой, и мы пошли через черноту аллеи. Моя гитара болталась у него за спиной; он уже вел себя как мой бойфренд, хотя мы были знакомы всего час. Это казалось странным, но... таким правильным? Возможно. Я не была уверена. Знала лишь то, что эта ночь вышла из-под контроля.

Я спросила, какие предметы он выбрал в колледже.

– Музыка, музыкальные технологии, бизнес. Все это нужно для того, чтобы руководить группой, – ответил он.

– Ого... Ты серьезно намерен связать с этим свою жизнь. Меня родители заставили взять еще классы по психологии и английскому на всякий случай.

– Глупость какая. Тебе не нужно ничего «на всякий случай». Не с твоим талантом. – Он нежно положил руку мне

на плечо. – Ты просто должна верить в себя. Эта индустрия слишком жестокая, чтобы там можно было выжить с какими-то сомнениями. Я четко вижу свою цель и упрямо иду к ней. И верю, что у меня получится. Поэтому у кого-то получается музыкальная карьера, а кто-то проваливается.

– Никогда не слышала, чтобы кто-то говорил, как ты, – сказала я, бросая на него еще один взгляд.

– Никогда не слышал, чтобы кто-то пел, как ты! – Он резко остановился и повернулся ко мне, словно был готов поцеловать.

И я позволила бы ему. Пусть хоть миллион поездов с грохотом пронесется мимо, не пошевелюсь, если он действительно меня поцелует. Но он не сделал этого. Он просто взял в руку одну из моих косичек и произнес:

– Боже, какая же ты красивая.

Я продолжала стоять, ожидая поцелуя. Сама не знала, почему, ведь в Шеффилде остался Алфи. Подул прохладный ветер, и я поежилась. Все еще ничего. Он повернулся и пошел вперед.

– Расскажи о своих родителях, – попросил он так, словно между нами только что не было самого заряженного романтического момента в моей жизни, – чем они занимаются?

И я поспешила за ним, чтобы идти рядом.

– Ну, вот мы и на месте, – сказала я, когда мы подошли к моей многоэтажке.

Он снял с себя мою гитару, намеренно передав таким об-

разом, чтобы мы соприкоснулись пальцами.

– Пойдешь со мной на свидание? – спросил он.

Как все просто. Смущение было ему неведомо.

– Не знаю, – запнулась я, – у меня... есть кое-кто... в Шеффилде.

Я наконец-то вспомнила про Алфи.

– У тебя есть бойфренд?

– Нет... точнее, да... У меня был...

– То есть вы расстались?

– Да, пару недель назад, – кивнула я, чувствуя подступающую горечь, хотя в этот раз она казалась не такой острой. Потому что я уже была заинтересована в Ризе. Крохотный кусочек моего сердца уже отломился, готовый быть отмеченным его именем, отказываясь страдать по Алфи.

– Можно и не свидание, – настаивал он, – просто встретимся, чтобы узнать друг друга получше. По крайней мере, я бы очень хотел писать с тобой песни. – Риз улыбнулся одной из тех ослепительных улыбок, которые печатают на постерах и по которым сохнут тысячи фанаток. – Я просто очень хотел познакомиться с тобой первым после сегодняшнего выступления. У тебя теперь будет прорва желающих стать твоими друзьями и соратниками по музыке. Но я был первым, так ведь? Первый тебя заметил.

* * *

Владение мной. Желание владеть кем-либо, проявляющееся уже при знакомстве, – еще один здоровенный красный флаг. Настолько красный, что бык его просто сжует.

* * *

– Я не уверена, – вымолвила я, и это было правдой.

– Тогда подумай об этом.

– Спасибо, что проводил.

Внезапно мне остро захотелось побыть в одиночестве. Пойти внутрь и спокойно подумать, без давления, без этого парня, без всего происходящего в эту ночь.

– Так ты подумаешь над моим предложением? – продолжал давить он.

Я засмеялась.

– А ты настойчивый, да?

– Слушай, никакого давления, – он примирительно поднял обе руки вверх, – просто хочу узнать тебя поближе.

Я думала, что он наклонится и хотя бы чмокнет меня в щеку. Вместо этого он просто ушел, махнув рукой и бросив через плечо: «Увидимся в понедельник!» Он даже не спросил мой номер телефона. Я стояла с открытым ртом, прово-

жая его взглядом. Скрестив руки и опершись о стену, улыбнулась. События этой ночи стали постепенно укладываться в голову, хотя была там и доля удивления: как радикально может поменяться все в жизни, стоит лишь выйти из дома.

Завибрировал телефон.

Алфи: Эй! Как жизнь? Надеюсь, у тебя все хорошо там, на юге.

Его сообщение пришло слишком поздно. И было совсем непохоже на его обычную манеру. Не было поцелуев в конце, никаких шуток, ничего личного. Он такое сообщение может своей бабушке отправить. Никаких извинений за то, что молчал целую неделю. Сердце пронзила острая боль – я знала, что значит это сообщение. Алфи начал разрывать наши отношения. Я перечитывала его опять и опять, надеясь выцепить какое-нибудь тайное послание, которое появится, стоит лишь сильнее сощурить глаза. Но ничего не было.

Нам нужно отпустить друг друга, Амели. Нам надо прекратить вести себя как пара.

Само время получения его сообщения было невероятным и космическим совпадением. Я только что встретила Риза и чувствовала себя растерянной и виноватой, а тут – БАМ! – пишет Алфи. И отпускает меня. Освобождает...

...Освобождает, чтобы я могла разрушить свою жизнь.

Ты встаешь, и она за тобой. Снова в этой душной комнате, где я плакала на сцене столько месяцев назад. Протягиваешь ей руку, и она берет ее. Обнимаешь ее и целуешь в макушку. Я сжимаюсь, подтягиваю ноги к груди и поглубже натягиваю на лицо капюшон; меня съедает дикая зависть.

Ты проходишь мимо. Я надеюсь, что ты не заметишь меня. И надеюсь, что заметишь. Подходишь ближе, одергивая свой бутылочно-зеленый жилет. Внезапно я ненавижу тебя. Это чувство поглощает меня с головой. Боже, как же я тебя ненавижу! Как я не понимала этого раньше? Чувствую это буквально физически, на кончике языка. Все те вещи, что ты сделал со мной, всплывают в голове. Поднимаю на тебя взгляд в знак протеста, но, разумеется, ты меня игнорируешь. Сволочь.

Протест превращается в боль. В глазах стоят слезы. Прекрасно, я снова собралась реветь на публике. Только этим и занимаюсь с переезда сюда. Пытаюсь проморгаться, глядя на потолок. Как только убеждаюсь, что слезы не потекут, заставляю себя оглядеться по сторонам, чтобы отвлечься. Все вокруг едят, разговаривают, смеются, не распадаются на части из-за переизбытка чувств и не унижаются на людях. Я моргаю снова и снова, концентрируюсь так сильно, что не осознаю: ты стоишь прямо передо мной. Я дергаюсь назад.

– Риз?

– Эй, не хотел тебя напугать. – Ты наклоняешь голову, стараясь выглядеть заботливым. – Все в порядке? Выглядишь... не очень.

Не могу дышать. Не могу поверить, что ты здесь, что разговариваешь со мной, словно тебя заботит мое самочувствие, словно я снова стою твоего внимания. Оглядываюсь по сторонам. Она стоит у двери в ожидании и смотрит на меня как на самое жалкое существо на свете. Я такая, сама знаю.

– В порядке, – заикаюсь я, – с чего бы мне быть не в порядке?

Ты садишься на стул. Смотришь на меня так, будто стал самым собой. Таким, каким уже давно не был.

– Да ладно тебе, – говоришь ты.

Мы оба знаем, что я не в порядке. Причину этого ты только что поцеловал в макушку.

– Разве тебе не пора идти к ней?

Я говорю слишком эмоционально. Это должно было прозвучать как вежливый вопрос без какого-либо давления. Но не получается. Ты морщишься, словно проглотил лимон.

– Через секунду. Просто хотел сперва убедиться, что с тобой все хорошо.

Я киваю со всей уверенностью, которую только могу найти.

– Да у меня все тип-топ.

Получается на удивление убедительно, и ты смотришь на меня шокированно. Отодвигаешься. Выдыхаешь. Закатываешь глаза.

– Ну что ж, раз так...

Ты встаешь и поправляешь шляпу. Счет в мою пользу. Я почти улыбаюсь. Сейчас уйдешь; я хотела бы, чтобы ты остался, но не покажу этого. Я выдержу. У меня редко случаются такие победы над тобой.

Но затем...

Затем...

Ты наклоняешься так близко... как будто вот-вот опять меня поцелуешь.

– Я скучаю, Амели, – шепчешь ты мне в волосы, – боюсь, не совершил ли я самую большую ошибку в своей жизни.

Ты исчезаешь до того, как смысл сказанного доходит до меня. Ты был тут, а теперь исчез. Я все еще чувствую твоё дыхание в воздухе. Хочется одновременно смеяться и плакать. Какое облегчение, боже, как легко! Ты скучаешь! Я знала это!

Я так скучаю. Не ненавижу тебя. Обожаю! Люблю! Мы должны снова быть вместе! Обязаны! Мы идеальная пара! Ты идеален! Ещё никогда не было двух людей, настолько подходящих друг другу.

...Но где же ты?

3. Остановка автобуса № 37

Полагаю, я должна рассказать об этом.

Ты наверняка не уделял внимание особому проекту в колледже. Слишком занят, раздражая людей и разрушая их жизни, заставляя меня любить и ненавидеть тебя одновременно. Но я обратила внимание на проект, потому что мне совершенно нечего больше делать, ведь моя жизнь пуста, в ней есть только отчаяние. Две недели назад, перед каникулами, нас созвали на ассамблею в аудитории колледжа. Это не было обязательным к посещению, так что многие забили, включая тебя. Ханна и Джек были там, держались за руки и игнорировали меня. Я сидела в первом ряду и гадала, сколько еще тут протяну до того, как убегу рыдать в туалет.

На сцену поднялся мистер Дженкинс, наш декан, хотя я никогда его раньше не видела. Он ведет основы изучения, и никто не ходит на эту нудятину.

– Всем привет, – поздоровался мужчина. – Спасибо, что пришли, особенно после обеда. Среди учителей мы зовем это время «часом колдовства».

Он засмеялся собственной шутке. Мне хотелось повернуться налево и закатить глаза, но там никто не сидел, потому что у меня больше не было друзей. Мой круг общения можно было представить как перекасти-поле на пустой улице.

– Короче, – продолжил мистер Дженкинс, – у меня есть

хорошие новости. Я только что узнал, что наш колледж был выбран среди других для участия в абсолютно новом проекте для музея Виктории и Альберта, – он сделал паузу, чтобы дать нам восхититься этой новостью. Никакого восторга мы не чувствовали. – Ну-у-у! Проект называется «Карта воспоминаний», это очень интересно...

И знаешь что, Риз? Это реально было очень интересно, даже с нудными объяснениями Дженкинса! Музей хотел лекцию воспоминаний о разных местах. И они собирались начать с нашей крошечной части страны у черта на рогах.

– Подумайте над этим, – сказал мистер Дженкинс, возбужденно вышагивая по сцене, – подумайте обо всех воспоминаниях, которые у вас есть. Обо всех торжествах, проведенных здесь, о студентах, которые сидели раньше на ваших местах. Это новое событие в ваших жизнях. Возможно, именно оно станет той самой точкой, которую вы нанесете на карту воспоминаний.

Риз, у нас так много воспоминаний. И они везде, за каждым углом. Как призраки, замирают в своих точках и ждут, пока кто-нибудь не пройдет мимо и не разбудит их. Мы проходим через таких призраков каждый день и каждый час, даже не подозревая о событиях, разыгравшихся здесь. Одна скамейка на смотровой площадке может хранить сотни воспоминаний. Кто-то прекратил на ней свои отношения; у другой пары здесь случился первый поцелуй; кто-то думал тут о самоубийстве; кому-то позвонили сообщить потрясаю-

щую новость, когда этот кто-то сидел на старых досках... Мы оставляем позади себя эхо наших жизней. И именно в этих событиях заинтересован музей. Они хотят, чтобы мы выбрали определенные места в нашем городе и записали анонимные воспоминания для этой выставки.

— Разумеется, наш колледж согласился помочь, — сказал мистер Дженкинс, заговорщицки потирая ладони. — Уверен, что многие студенты захотят поделиться своими воспоминаниями о нашем крае.

Уже догадался, Риз? Ты ведь довольно умный — точнее, всегда ведешь себя так. Словно умнее меня, умнее учителей, умнее кого угодно. Так что ты наверняка уже все понял. Я делаю карту воспоминаний. О тебе и всех тех местах, где плакала из-за тебя. Это будет больно, очень больно, но я не могу придумать больше ничего, что помогло бы мне разобраться с этим бардаком в душе. Это единственная надежда, дорога к свободе, и я хватаюсь за этот шанс обеими руками — не отпущу, пока не разберусь во всем. Давай назовем это «психогеографией» или терапией, да хоть эпилогом.

Я собираюсь пройти по всем местам в надежде, что это поможет. Потому что не понимаю тебя. Ты не звонил и не писал с нашей вчерашней встречи в столовой. С того момента, как сказал, что скучаешь. Я подсказываю всякий раз, когда мне кажется, что телефон вибрирует от входящих — но их нет.

Прошлой ночью опять не спалось. Вместо этого я опять и

опять прокручивала в голове твои слова, воображая всевозможные сценарии развития событий. Как ты внезапно очутишься под моими окнами и скажешь, что все это было лишь ошибкой. И обнимешь меня, поцелуешь, расскажешь, как все у нас хорошо. Как будешь снова настойчиво меня добиваться, завалишь подарками и любовью. Как все вернется на круги своя и останется так навсегда. И ничего не испортится, как в прошлый раз.

А все реально испортилось.

Так что я сижу здесь, на третьем месте. Плакала тут после нашего первого свидания. Ты не знаешь об этом. А до меня только сейчас начинает доходить, почему это произошло тогда. Мне казалось таким странным – разрыдаться после, несомненно, лучшего вечера в моей жизни. Но я разрыдалась.

Сейчас я должна сидеть на уроке по психологии, но не могу заставить себя идти туда. Уже почти дошла до колледжа, но не смогла смириться с отсутствием каких-либо сообщений от тебя, поэтому повернулась, пришла сюда и сидела теперь, жалея себя, на остановке автобуса № 37. На постерах уже сменился репертуар кинотеатров, и реклама новой зубной пасты обещает справиться со всеми жизненными проблемами. Но это то же самое место. Место номер три. Где, даже после лучшего вечера в моей жизни, ты все равно заставил меня плакать.

Риз очень старался для того первого свидания.

Колледж был именно таким ужасным, как я себе и представляла в тот понедельник после конкурса талантов. Все улыбались, проходя мимо, ободряюще кричали вслед. Я была на радаре каждого – мой личный кошмар. К счастью, лил дождь, так что спрятаться под зонтом и притвориться, что меня не существует, не составило труда. Немного опоздала из-за этих увиливаний от внимания толпы, но в классе все было еще хуже: все встали с мест и зааплодировали, как только я появилась в дверях.

– А вот и она, наша суперзвезда! – крикнул Алистар, но я уже плюхнулась на место рядом с Ханной, игнорируя его.

– Я просила их не создавать столько шума, говорила, что тебе это не понравится, – прошептала Ханна.

Я только сгорбилась на стуле и смотрела в пол, ожидая окончания аплодисментов.

– Так, сегодня у нас особенный день, – сказал Алистар, – потому что Риз Дэвис наконец-то смог найти, где находится наш класс.

Я резко подняла голову при упоминании его имени. Он сидел напротив меня. Вежливо приподнял шляпу в приветствии, а у меня только рот открылся от удивления.

– Рад быть здесь, – ответил он Алистару, глядя при этом

на меня.

— Мы очень рады, что ты нашел время для своих обязательных занятий, — засмеялся Алистар. Я внезапно поняла, что Риз был тем самым студентом, который так и не дошел до класса в первый день семестра. — Кстати, говоря об обязательном: нам надо поговорить о курсе основ обучения. Потому что еще даже октябрь не наступил, а вы все уже прогуливаете.

Риз сидел и смотрел на меня весь урок, демонстрируя невероятный спектр улыбок. То это была козырная усмешка красавчика, то чуть заметная романтическая улыбка, то гордая усмешка в ответ на мое удивление. Иногда он корчил рожи. И всякий раз, когда я поднимала глаза, ловила на себе его взгляд. Он ни разу не отвел его. Мое сердце билось со скоростью триллион ударов в минуту, и желудок выплясывал кульбиты из-за такого пристального внимания. Под свитером снова медленно расползалась красная сыпь и начинала чесаться. Я уже настраивалась на неизбежность разговора после занятия, репетируя в голове фразы, которые скажу ему. «Не ожидала тебя тут встретить»? Или, может, пошутить, что он снова меня преследует?

Так что я была шокирована, увидев, как он убегает из кабинета сразу же после окончания урока. Я потрясла головой в недоумении: вдруг мне все это привиделось?

— Ты куда испарилась вчера? — спросила меня Ханна, пока мы собирались. — Написала, что пошла домой, но так и не

раскрыла никаких деталей.

– А ты сама где была? – Я попыталась ускользнуть от ответа, вспомнив ее комментарий по поводу Риза. – Вас с Джеком и след простыл.

Она вздохнула и откинула волосы за плечо.

– О, да, кстати, об этом. У нас же сейчас окно? Пойдем кофе попьем? Я бы хотела услышать твое мнение по кое-какому поводу. Знаешь же, что со стороны виднее?

Я кивнула и притворилась, что меня совсем не ранило сравнение с посторонним человеком. Мы быстро дошли до «Бо Джанглс», стараясь поскорее уйти из-под ливня и не потерять зонтики в борьбе с ветром. Внутри был лишь один свободный столик, рядом с запотевшим окном.

– Кинь сумки на стол, я пока закажу нам кофеина, – сказала Ханна.

Я втиснулась на стул и успела положить сумку на стол за секунду до другой посетительницы с ребенком. Бросив на нее извиняющийся взгляд, я уставилась в окно, стараясь не думать о поведении Риза. Мне что, просто показалось, будто он смотрит на меня? Почему он ушел, так ничего и не сказав? Я чувствовала напряжение во всем теле, странную нервозность, какой раньше со мной не случалось. Хотела, чтобы его отношение ко мне было очевидным, чтобы можно было сразу понять – я ему нравлюсь. Хотя сама не знала пока, нравится ли он мне. Я же все еще любила Алфи. И было глупо так сходить с ума от знаков внимания первого попавшегося

парня.

– О мой бог, как же я жаждала этот кофе весь урок! – Ханна со стуком поставила наши чашки на стол. – Классно, что ты согласилась прийти со мной, спасибо.

– Не стоит. – Я взяла ложку и стала выводить ею круги на пене латте.

Ждала начала ее рассказа. Все тихони это знают – если ты просто сидишь и ждешь, рано или поздно с тобой начинают разговаривать. Люди стремятся наполнить тишину словами и поэтому иногда рассказывают даже что-то личное или секретное.

Ханна сделала большой глоток, проверила телефон, еще раз глотнула кофе. Поставив чашку на стол, сообщила:

– В общем, после конкурса Джек признался, что я ему нравлюсь.

Я молчала, ожидая продолжения.

Ханна внимательно всмотрелась в мое лицо. Видимо, что-то в нем выдало мою причастность к его признанию.

– Ты знала? О мой бог! Что он тебе сказал?

Я запаниковала, не желая предавать его. Словно почувствовав это, Ханна легонько похлопала меня по руке.

– Не волнуйся, он же уже признался мне в своих чувствах. Так что ты не выдашь мне никаких его секретов.

– Ну ладно. Тогда ты уже все знаешь. Не думала, что он действительно признается тебе в тот же вечер... – Я взяла свою кружку и посмотрела на Ханну. – А тебе он нравится?

– Да я не знаю!

– Хм, окей... Это ничего, что ты еще не уверена, но...

– Думаю, что он мне нравится, – перебила она. – Но, тип-па... это же Джек! Джек!

Я кивнула.

– Все правильно, это Джек.

Она захихикала и тепло улыбнулась мне.

– Я не знаю, что точно чувствую. Немного напугана, немного растеряна. Поэтому и хотела с тобой поговорить. Ты же, ну, не ходила с нами всю жизнь в школу, так что не знаешь многих деталей, которые кажутся такими важными, когда на самом деле это полная чепуха. Ты новенькая и нейтральна ко всему происходящему, а если судить по твоим песням, то еще и мудра... – Я покраснела и она увидела это. – БОЖЕ, как же трудно тебя хвалить!

– Извини.

– Да забей. Просто помоги мне. Что делать?

Я откинулась на спинку стула.

– Так, тогда давай начнем сначала: он тебе действительно нравится?

– Да... нет... – выдавила из себя Ханна и глубоко вздохнула. – Не знаю я. Мы же дружили целую вечность.

– И?

– Ну, разве это не разрушит нашу дружбу? А что, если я буду недостаточно любить его, потому что раньше он был просто другом?

На меня нахлынули мысли об Алфи. Я вспомнила все те же переживания, через которые прошли мы и с которыми сейчас боролась Ханна. Важность нашей дружбы, волнения о неоправданном риске, переживания из-за поцелуев – вдруг это будет ощущаться как что-то неправильное?

– Ты не будешь уверена на все сто, пока не поцелуешь его, – сказала я с видом эксперта. – Так и узнаешь. Будешь думать либо «О боги, фу, ты же мне как брат», либо «Пожалуйста, никогда не вынимай свой язык из моего рта, и неважно, если мы умрем от голода!»

Она захохотала и запрокинула голову, отчего ее волосы взметнулись, а потом рассыпались по столу перед нами; одна прядь попала в кофе. Затем Ханна серьезно посмотрела на меня.

– А что, если это будет плохо? Что дальше? Будет странным дружить после такого.

Я прикусила губу.

– Если будет плохо, то, скорее всего, не тебе одной. Он это тоже почувствует. Тогда вы посмеетесь, скажете: «Ха, это было фигово!» – и переживете.

– Откуда ты так много знаешь об этом? – сощурила глаза Ханна.

Настал мой черед тяжело вздыхать.

– Со мной это тоже случалось, – призналась я, – был один парень, дома в Шеффилде. Он был моим лучшим другом, а потом мы сошлись.

– А потом... – У Ханны распахнулись глаза от понимания происходящего.

– А потом я переехала сюда, и мы решили расстаться.

Она сочувственно сжала мою руку.

– Блин, Амели, мне так жаль. Вроде как понимала, что тебе трудно из-за переезда, но не подозревала, что ты еще и парня оставила там.

– У нас был план, – ответила я, чувствуя ком в горле и подступающие слезы. И внезапно остро ощутила желание поделиться с ней своей историей, болью, которую испытывала и о которой не могла поговорить с ним. – Мы оба постараемся поступить в Манчестерский университет. У них есть хорошие курсы музыки для меня и курсы химии для него. Так что нам нужно только прожить так два года, потому что мы оба решили, что отношения на расстоянии все только испортят. Не то чтобы мы можем влюбиться в кого-то другого. Так что нужно только продержаться... – Я запнулась, размышляя, как в этот план вписывался Риз с его улыбками. – Ну, мне казалось, что это наш план. Я не получала от Алфи сообщений уже целую вечность. Он наверняка нашел кого-то другого. И мы просто обманывали сами себя.

– Мне так жаль, Амели, – искренне пожалела меня Ханна, – я даже представить себе не могу, как это тяжело.

– Хватит, а то снова разревусь. И я все еще не отошла от того кошмара, когда рыдала перед всем колледжем.

– Да не волнуйся ты. Об этом уже никто и не помнит, кро-

ме тебя самой. – Она отвернулась к окну, за которым лил дождь. Ее лицо снова приняло серьезное выражение. – Но это стоило того? С Алфи? Ну, если бы вы не стали встречаться, тебе было бы легче переезжать сюда?

На самом деле она спрашивала больше о Джеке, чем об Алфи, но ее вопрос все равно запал в душу. Я молчала целую минуту, уставившись на поднимающийся от чашки пар. Стоило ли оно того?

– Конечно, стоило, – наконец смогла выдавить я. Вспоминая все те замечательные моменты, что мы пережили, радость от осознания наших чувств, скромные первые поцелуи, которые чувствовались так правильно и легко; возможность всегда быть рядом с лучшим другом, с которым вы еще и можете обжиматься. – Сейчас это больно. Но все равно выто с Джеком не собираетесь разъезжаться на сотни километров друг от друга.

– Это правда, – кивнула она, – хотя мы же оба будем поступать на вышку через два года...

Это заставило меня улыбнуться.

– Так ты уже думаешь о будущем. Он и правда тебе нравится.

Ее румянец подтвердил мои слова.

– Просто поцелуй его, – еще раз сказала я, – и там уже посмотришь, что делать дальше.

– Окей, так и сделаю.

Ханна решительно поставила свою чашку на стол; стало

ясно, что она последует моему совету. Я недолго ее знала, но уже понимала, что эта девчонка из тех людей, которые всегда выполняют намеченное. Я была рада за нее и грустила из-за себя. Они с Джеком были моими единственными друзьями тут, и Лив тоже крепко сдружилась с народом из класса фотографии, проводя все свое время в темных комнатах и проявляя снимки своего пупка. Я же снова оставалась одна.

Ханна сменила тему.

– Так, а что там у тебя с мэром Кретинвилла, Ризом Дэвисом? – спросила она, заставляя меня подавиться кофе.

– Что?

– Ходят слухи, что вы ушли вместе в пятницу. И сегодня он пялился на тебя весь урок.

– Что? – повторила я, стараясь выиграть время.

– Ну, официальная история такова... – Ханна наклонилась над столом, глядя на меня; ее губы неодобрительно скривились. – Когда ты была на сцене, Риз сообщил всем, что ты офигенна и он хочет с тобой познакомиться. Потом кто-то увидел, как вы уходите вместе вечером и он несет твою гитару. Пожалуйста, скажи мне, что ничего не было! Он не из хороших парней, Амели.

Я покачала головой, пытаясь переварить эти новости. Он действительно так сказал? От этого у меня внутри все перевернулось.

– А что с ним не так?

– Да все! Например, он думает, что его группа будет сле-

дующей *Queen* или *Radiohead*. И у него раньше была толпа подружек, но он никогда не относился к ним хорошо. А после расставания Риз называет их шизанутыми.

– Правда?

– Честное слово. Будь осторожна. Я понимаю, он выглядит неплохо, но, в конце-то концов, эта ужасная шляпа должна тебе о нем что-то сказать.

– А мне она очень даже нравится.

– Боги... Пожалуйста, Амели! Я же с тобой хотела подружиться именно из-за твоей адекватности. Не разубеждай меня в ней.

– Эй, я просто сказала, что мне нравится шляпа! Да и вообще, не было ничего. Он меня просто проводил. Я все равно сейчас думаю только об Алфи...

– Вот и молодец. Так, теперь о важном: как мне подступить к Джеку с поцелуями?

Мы смеялись и продолжали сидеть там до тех пор, пока кофе не был выпит до конца и не пришлось возвращаться на занятия. Дождь полил еще сильнее, заставляя нас визжать от ощущения мокрых колготок и сапогов. Я зашла в музыкальный корпус, отряхивая зонт и пытаюсь отжать платье. Было что-то поразительно веселое в прогулке под ливнем, и я чувствовала себя до наивного радостно, пока шла к классу музыки, оставляя за собой лужи.

* * *

Риз, ты ждал меня у класса, если помнишь.

* * *

Он снова приподнял шляпу и прислонился к стене, согнув одно колено, — выглядел чертовски круто.

— Опять ты. — Я улыбнулась, мой радостный настрой все еще придавал мне уверенности.

— Ну как, пойдешь со мной на свидание? — спросил он, не обращая внимания на студентов, протискивавшихся мимо него к двери.

— Пока я иду только на музыку, — засмеялась я, чувствуя себя еще более легкомысленной теперь, когда мне каким-то волшебным образом удалось стать такой девушкой, которую парни вроде Риза ждут возле классов. Предупреждение Хан-ны тихонько жужжало у меня в голове, немного приглушая мою радость от встречи с ним.

— Я же сказал, никакого давления. Просто хочу узнать тебя получше.

— Подумаю об этом. — Я направилась к двери в класс.

— Как насчет просто кофе?

Моя улыбка стала еще шире.

– Я сказала, что подумую.

На музыке мои мысли летали где-то очень далеко. Я постукивала ручкой по столу, думая о Ризе и Алфи, о Джеке с Ханной, о быстро меняющейся жизни. С трудом могла сконцентрироваться на лекции миссис Кларк о музыкальной композиции, вместо этого размышляя о словах Ханны и гадая, могу ли верить ее суждениям о Ризе. У меня не было причины не верить ей. Но у меня также не было причины не верить Ризу. И я не чувствовала такого притяжения к Ханне, в то время как он притягивал меня посильнее магнита.

– Амели? Можно тебя на пару слов? – обратилась ко мне миссис Кларк после звонка.

– Да? – Я все еще пыталась выжать последние капли из кардигана, который так и не просох за время занятия.

– Еще раз поздравляю с твоим успехом в пятницу.

Мое лицо среагировало как обычно, показав широкий спектр цветов, в итоге сливающихся в пунцовый румянец.

– Ха-ха, тебе стоит научиться принимать похвалу, – улыбнулась она, – потому что на этих выходных мне уже поступило много запросов на тебя.

Внутри все перевернулось.

– Каких запросов?

Ее улыбка стала еще шире.

– Ну, двое студентов спросили, не интересует ли тебя совместная работа по сочинению песен. Плюс среди слушателей в пятницу был рекрутер. Она заинтересована в сотрудниче-

стве с тобой для разных местных выступлений. Чтобы ты у нас стала более известной.

– Правда? – Я заикалась, пальцы свело от напряжения, хотелось прыгать на месте и одновременно кричать: «ВСЕ ПРОПАЛО-О-О!», потому что много выступлений означало много людей и возвращение моей боязни сцены.

– Я тебе потом отправлю все детали. Просто хотела убедиться, что ты одобряешь эту идею. Очень волнительно, не так ли? Я с первого занятия заметила твой талант.

Снова прозвенел звонок, и толпа студентов ввалилась в класс. А мне нужно было телепортироваться в противоположную часть колледжа на урок английского.

– В общем, извини, что задержала. Если нужна моя помощь в подготовке к выступлениям или в чем-либо еще, обращайся.

Заикаясь, я выдавила из себя слова благодарности и побрела прочь из класса на нетвердых ногах.

Выступления.

Совместная работа.

Уголки моих губ непроизвольно приподнялись в улыбке. Моя любовь к пению всегда так или иначе побеждала все другие проблемы.

Ну, раньше побеждала.

Больше мы с Ризом в тот день не встречались. Я чувствовала себя немного дерганой и переходила от класса к клас-

су с надеждой, что он будет ждать меня у дверей. И всякий раз наступало разочарование, когда его там не оказывалось. Меня стали одолевать сомнения, что я оттолкнула его, не соглашаясь на свидание сразу. Ведь, если верить Ханне, вокруг него всегда было много девушек, так что он мог с легкостью переключиться на кого-то менее неуверенного. И мне приходилось напоминать себе об Алфи и нашем обещании, гадая, что со мной вообще такое.

Эмоции сменялись примерно так:

Нервозность.

Волнение.

Разочарование.

Облегчение.

Беспокойство.

Вина.

Нервозность.

...И так весь чертов день. Я отключилась во время ланча, пока Ханна делала вид, что не смотрит на Джека, а Джек притворялся, что не разглядывает ее. День прошел, а я так и не увидела Риза снова. Старалась убедить саму себя, что так все и должно быть, но все равно стало грустно.

«Все хорошо, – говорила я себе, – тебе не нужно ни на кого отвлекаться. Что насчет Алфи? Ты все равно не хочешь встречаться с кем-то, кто постоянно носит такую глупую шляпу».

Я представила, что Алфи может подумать о Ризе. Боже, он

бы возненавидел эту шляпу. Сам Алфи всегда носил только джинсы, футболки и кроссовки. Для него даже переодевание в шорты летом было чем-то маловероятным.

У ворот я обняла Ханну на прощание, прошептала ей на ухо: «Лови момент для поцелуев» – и ушла, оставив краснеть от смущения. Закинув сумку на плечо, кивнула проходившим мимо людям, которые улыбнулись мне и поздравили с победой в конкурсе, а затем зашагала к дому.

Вот он. У поворота к аллее. Шляпа, улыбка, плечом опирается на столб. Я встала как вкопанная, как персонаж в мультиках, который резко тормозит перед крутым обрывом.

– Какая неожиданная встреча, – сказал он, украв мою реплику.

Я захихикала как идиотка.

– Ты преследуешь меня?

– Только в романтическом плане, ничего противозаконного.

– Разве не мне решать это?

– Прости, тогда мне пора. – И он стал уходить, серьезно.

Разумеется, я окликнула его:

– Подожди!

Он точно знал, что я это сделаю.

– Так мне проводить тебя снова?

Я опять стала хихикать и попыталась хотя бы притвориться, что немного держу ситуацию под контролем.

– Раз уж ты настаиваешь... – Я глубоко вздохнула, словно это была ужасная идея.

– Давай понесу твою сумку. – Он взял ее, не дождавшись моего согласия. Мне это показалось скорее романтичным, нежели чем-то архаичным и снисходительным. Мы же уже определились, что я идиотка.

– Ты правда скучаешь по дому? – внезапно спросил он, пока мы шли по мокрому асфальту, покрытому опавшими листьями.

– А почему ты спрашиваешь?

– Просто я ведь постоянно смотрю на тебя... чисто романтически, ничего криминального, разумеется... И ты всегда выглядишь так, будто хочешь сбежать отсюда.

Я коснулась рукой своего лица, шокированная, что мои чувства были настолько очевидными.

«Или он тебя на самом деле понимает, – подумала я. – Может, это ваша связь».

– Я действительно скучаю по дому. Тут все настолько другое, словно в совершенно чужой стране.

– А что так сильно отличается?

Я все ему рассказала. Эта история длилась долго, мы успели дойти до моей многоэтажки, сели там на все еще влажный паркет. Я рассказала ему, что отличался не только акцент, но и многое другое. Тут было меньше места. Везде очереди – что в кофейнях, что на дорогах.

– В Шеффилде можно было разговаривать с кем угодно, –

продолжала я, болтая ногами, — даже когда заказываешь такси или ждешь официанта в кафе, ты спокойно можешь общаться с персоналом или посетителями. Все друг друга называют «душечками» или «котиками», и это все очаровательно, правда. Чувствуешь, словно ты со всеми дружишь. А здесь никто ни с кем не разговаривает... А, и все врезаются друг в друга... — Я вздохнула. В Шеффилде, когда кто-то идет тебе навстречу, вы оба уступаете друг другу дорогу. А здесь все как в Голодных играх! У меня на руках уже синяки появились от того, как меня сшибают своими плечами и сумками.

Он внимательно слушал меня и согласно кивал. Сказал, что тоже замечал эти вещи, но никогда не складывал их воедино.

— У тебя настоящий талант к повествованию, — сообщил Риз. — Я-то думал, это только в песнях, но сейчас слушаю и... Очень мудро рассуждаешь обо всем. Кажется, словно это уже восьмая жизнь, которую ты живешь среди нас, простых смертных.

Я зарделась от его похвалы, а он смотрел на меня с таким восхищением, что не поверить его словам было невозможно. Может, у меня действительно есть такой талант. Может, я и правда очень умна для своих лет... Нет ничего более опьяняющего, чем смотреть на себя через призму чьих-то любящих глаз. Это сводит с ума, подкашивает ноги, да и просто классно. Я могла загорать в лучах его хвалебных речей.

Но все равно отнекивалась от комплиментов, потому что они продолжали вгонять меня в краску.

– Ну, даже если это и правда, то мой талант бесполезен у такого стеснительного человека, как я.

Он протянул руку, словно хотел убрать прядь волос с моего лица, но остановился и улыбнулся.

– А мне нравится, что ты скромная. Не поверишь, я такой же...

Я захохотала.

– Эй, это чистая правда! Я скромный!

– Вокалист группы? Который поджидает девушек у их классов? Скромный?

– Так и есть! К тому же я могу сказать все то же и о тебе, – заспорил он. – Ты играешь соло сама. Так что не особо скромная, так ведь?

– Да, но я чуть не умерла, пока выступала.

– И я тоже чуть не умер там. А потом второй раз – от смущения, пытаюсь познакомиться с тобой тем вечером. И когда стоял у твоего класса. И уж точно сейчас, когда поджидал тебя на улице. И... – Он снова протянул руку и в этот раз сделал то, что хотел, – убрал выбившуюся прядь волос мне за ухо. Я закрыла глаза на секунду, сохраняя в памяти это ощущение. – И сейчас помираю от одного разговора с тобой. Не могу объяснить это, ты просто заставляешь меня постоянно нервничать, Амели. Но знакомство с тобой стоит всех переживаний.

Это бред.

Мысль пронеслась в голове, не задерживаясь.

Это и было самым настоящим бредом. Он вел себя так, словно влюблялся, хотя даже не знал меня толком. Мы один раз разговаривали. Но послушала ли я свою мысль? Этот тонкий голосок в подсознании? Этот проблеск рациональности? Который здраво рассуждал, что «быть такого не может, он ведь тебе не так сильно и нравится, скорее, тебя привлекает то, как сильно нравишься ему ты»?

* * *

Совершенно очевидно, что эти сомнения тоже были проигнорированы.

Потому что иначе я не сидела бы на этой обшарпанной остановке, прогуливая занятия. И не проверяла бы телефон каждые десять секунд.

* * *

Вместо этого я осталась сидеть там, и мы говорили о все-ленной и обо всем в ней. А на следующий день, после занятий, он снова стоял там, прислонившись к забору в переулке; я улыбнулась, и мы пошли в ногу, точно так же. И каждый обед в течение следующей недели, когда Риз безраздельно

властвовал над кафетерием, шутил со своей группой и ерошил волосы Роба, он всегда ловил мой взгляд и ухмылялся. Или случайно натыкался на меня в коридоре, поднимал руки и говорил «прости» под рычание Ханны.

Она и не заметила, как он подсунул мне записку в первый раз. Я притворилась, что мне нужно пойти в туалет, заперлась в кабинке и развернула сложенную бумажку. От волнения я даже порадовалась, что уже сижу на унитазах.

Когда я могу пригласить тебя на свидание?

Я рассмеялась, почувствовав, как внутри все перевернулось, и, улыбнувшись, прижала записку к груди. Потом хранила ее в своей сумке, сложенную вместе с другой, которую он вручил мне перед уроком музыки. В ней было написано:

Я не могу перестать думать о тебе.

Я обнаружила, только не сразу, что мои мысли были совсем не об Алфи и не о том, как сильно я скучала по нему; вместо этого в моей голове крепко засел Риз. Я перечитывала его записки и чувствовала, как все внутри теплеет. Слова никогда не теряли своей силы. Каждый раз мне казалось, что я читаю их впервые.

Он хочет пойти со мной на свидание.

Он не может перестать думать обо мне.

Этот парень. Этот великолепный, чувствительный, популярный, талантливый парень, который может заполучить лю-

бую... Он хочет тебя, Амели. Разве это не смешно? Разве это не самая сумасшедшая мысль? Разве это не то, что каждая девушка хочет, но никогда не получает? Это происходит с тобой, Амели. Должно быть, ты все-таки особенная. Потому что он сам особенный и думает, что вы похожи. Если ты согласишься встретиться с ним, то это вполне может стать началом чего-то невероятного. Ведь он действительно смотрит тебе прямо в душу.

Я продержалась всего пять дней.

Мы шли домой вместе в пятницу, ровно через неделю после шоу талантов, никуда не торопясь. Остановились, чтобы полюбоваться красивыми листьями, переливающимися первыми осенними красками, и, указывая на жирных белок, поделились друг с другом своими лучшими воспоминаниями о зиме.

– Возвращаться домой насквозь промокшим и стоять потом у камина, – начал Риз.

– Ветви деревьев, украшенные рождественскими огнями.

– Рождество! Боже мой, *The Pogues*². *Fairytale of New York* – моя любимая песня! Я слушаю ее круглый год.

– Я тоже!

Риз взял меня за руку. Наконец он дотронулся до меня как следует – крепко держа мою ладонь, переплетая наши

² Англо-ирландская фолк-панк-группа, образованная в 1982 году в Лондоне (прим. ред.).

пальцы. Когда мы подошли к моему дому, он повернулся и взял меня за другую руку, так что мы замкнули круг.

– Ну?

– Ну...

– Одна маленькая птичка начирикала мне, что тебя пригласили играть в *The Cube*, – сказал он.

Мои нервы звенели, как колокольчик над входной дверью.

– Да! – бросилась ко мне миссис Кларк тем утром, едва дыша от восторга. – Нам еще никогда не удавалось заставить их принять хотя бы одного из наших студентов!

– А что это за куб такой? – все, что я смогла спросить, не понимая значения этого события. Судя по всему, это был самый большой местный мюзик-холл.

– Это невероятно! – восхитился Риз.

– Я буду на разогреве у *The Contenders*. И как у первого выступающего, у меня в зале будет от силы пять человек, которые понятия не имеют, кто я такая, и только терпят меня, чтобы остаться в первом ряду до конца выступлений.

Он улыбнулся.

– Мне нравится, как ты скромничаешь.

Я смущенно опустила глаза.

– Не скромничаю, а просто реально смотрю на вещи.

Когда снова подняла глаза, Риз разглядывал меня так пристально, что, клянусь богом, я почувствовала себя голой.

– Пожалуйста, сходи со мной на свидание, – мягко попросил он. – Мы оба знаем, что между нами что-то есть. Дай

нам шанс.

И я обнаружила, что наклоняюсь вперед, а мой рот шепчет ответ без какого-либо когнитивного участия с моей стороны:

– Ладно. Я пойду с тобой на свидание.

Его глаза так сильно сощурились от улыбки, что почти исчезли.

– В эти выходные я встречаюсь с отцом, но как насчет понедельника? Это самое раннее, когда я могу.

– Значит, в понедельник.

– Ты какая-то дерганая, – заметила мама за полчаса до того, как Риз должен был зайти за мной. Она опустилась на кухонный стул и вздохнула, снимая туфли на высоких каблуках.

– Она такая с тех пор, как пришла из колледжа, – ответил за меня папа. – Но не говорит мне, почему. И правда, с чего бы ей нам что-то рассказывать? Мы же не создали ее, не кормили, не нянчили, не дали ей все в этой жизни. – Он готовил ужин и на мгновение оставил сковородку, чтобы нежно обнять меня за плечи.

Я подняла голову и улыбнулась ему.

– Просто встречаюсь с друзьями, пойдем перекусить вместе, – солгала я. – Ты же знаешь, я нервничаю, когда выхожу гулять с людьми.

– И все же мы никогда не сможем запереть тебя и твою гитару в этой квартире. Нам повезло.

Я закатила глаза и прикусила язык, чтобы не съязвить что-нибудь. Моя музыкальная практика внезапно стала проблемой после целой жизни, когда она никому не мешала. Там, в Шеффилде, у меня был маленький симпатичный сарайчик в глубине сада. Папа даже оклеил его коробками из-под яиц для звукоизоляции и сделал табличку, на которой было написано: «Тут творится волшебство». Я жила в этом сарае. Обычно тайком водила туда друзей поздно ночью. Мы с Алфи даже потеряли там девственность. Потом он пошутил, что это та самая магия, которую я создаю, прежде чем получил затрещину. Тогда он поймал мою руку, а потом мы завернулись в потрепанное одеяло и по очереди говорили «люблю тебя» до самого утра. Теперь мои родители были поражены тем, сколько времени я проводила с гитарой. Старалась брэнчать так тихо, как только могла, и больше шепча, чем напевая, но все равно вынуждала папу стучать в хлипкую стену с просьбой «потихше, милая».

Мама сняла вторую туфлю и застонала, потирая стопу.

– Ну что ж, надеюсь, ты хорошо проведешь время, – сказала она. – Ты выглядишь очень мило. Это новое платье?

Я кивнула и покраснела. Секонд-хенды вокруг были прекрасными. Как будто никто не покупал ничего подержанного. Я нашла платье от очень крутой фирмы, и оно было куда более смелым, чем обычно. Красное в мелкий белый горошек. Ни один из моих «бабушкиных» кардиганов не подходил к нему, поэтому я надела его с кожаной курткой и даже

нанесла немного тинта на губы, того самого, который получила на Рождество в прошлом году и которым никогда не пользовалась.

– Ты накрасилась, – поразился папа, как будто я разрисовала все лицо маркером.

– Это просто бальзам для губ. – От смущения мое лицо стало такого же цвета, что и платье, и губы.

– О-о-о-о, в компании сегодня будет мальчик? – спросил он девичьим голосом, такая деревянную ложку в соус, чтобы попробовать его.

– Быть того не может, – ответила за меня мама. – Она все еще по уши влюблена в Алфи.

Я вскочила, чуть не опрокинув стул. Ее комментарий вызвал новое цунами вины. Неужели я изменяю своему парню? Как я могла ужасно скучать по нему и одновременно хотеть пойти на свидание с Ризом? Что это значит? Как бы я себя чувствовала, если бы знала, что Алфи собирается пойти на свидание с кем-то другим? Чертовски паршиво – вот как. Так какого черта я делаю это с ним? Но Алфи не писал мне уже целую неделю... так что, возможно, он уже и забыл про меня. И если он смог это сделать, то и я тоже. Но, о боже, я скучаю по нему! Так по нему скучаю... Я должна все отменить. Почему иду на это дурацкое свидание с кем-то, кого едва знаю? Хотя мне так хочется пойти...

Я заставила себя улыбнуться и подхватила стул, прежде чем он с грохотом опрокинулся.

– Да. Все еще сохну по Алфи.

Я пошла в свою комнату, чтобы еще раз проверить, как выгляжу. Да. Точно так же, как и пять минут назад.

Алфи Алфи Алфи.

Риз Риз Риз.

– Что же мне делать? – спросила я у зеркала. – Что мне, черт возьми, делать?

В этот момент в моей сумке зажужжал телефон, и я мгновенно приняла решение. Если это Алфи, то отменяю свидание. Это был бы знак от Вселенной, и ему следовало бы довериться. Если это Риз, я пойду с ним и посмотрю, куда это меня приведет, и не буду чувствовать вину.

Я полезла в сумку и достала телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.